

Юлия

Трим

не

БЕГИ МЕНЯ

Юлия Прим

Не беги от меня

<https://litres.ru/74267874>

Аннотация

Продолжение бесплатно♥#+крышеносный буктрейлер

— Лера, — шепчет на ухо Громов, отодвигая с моего лица бутафорскую фату, что выдали в клубе.

Внеплановый девичник в разгаре: на мне мокрая футболка и джинсы, залитые шампанским. Рубашка скинута куда-то на пол. За спиной гогочущая толпа и стриптизёр в одних плавках.

— Хорошие девочки так себя не ведут, — укоряет он едва заметным смешком.

— Я плохая.

— Нет, Тихоня. Ты просто порядком пьяна. Леська уже в такси. Собирайся. Поехали.

— А вы Вадим... Сергеевич? — отдаляюсь, оставляя на его рубашке влажные следы от своей мокрой груди.

— Что я?

— Пьяны?

— Скорее всего, — постно кивает. — Я вижу перед собой молодую красивую женщину, вместо подруги дочери.

Она для него — чужая невеста

Он — отец её лучшей подруги

Двадцать три года разницы

Его развод

Её грядущая свадьба

И месяц... под одной крышей♥#

Смотрите БУКТРЕЙЛЕР — он крышеносный

История пишется в рамках литмоба «Аморальная любовь»

Бунт. Страсть. Запрет

Милые, смело забирайте в библиотеку и отмечайте звездой — история останется для Вас бесплатной до окончания ♥#

График прод: 2-3 раза в неделю. Формат 80-100 стр.

История бесплатная, но от наград не отказываюсь) они увеличивают рейтинг. Спасибо ♥#

Содержание

Глава 1. Порочный круг	5
Чужая невеста	14
Познакомимся ближе?!	21
Чёрная метка	25
Бутафория	32
Первая ласточка	39
Занавес	47
Глава 2. Никого сюда не впущу!	55
Вживую	63
Игра навывлет	71
Бунт	79
Запрет	87
Глава 3. Ящик Пандоры	98
Я тону...	109
Я с тобой	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1. Порочный круг

(Не) БЕГИ от МЕНЯ

Юлия Прим

#отец подруги #очень горячо и эмоционально #аморальная любовь

#БЕСПЛАТНО В ПРОЦЕССЕ##

Посмотрите БУКТРЕЙЛЕР ##

Не отказывайте себе в удовольствии — смело забирайте в библиотеку

Люди более моральны, чем они думают, и гораздо более аморальны, чем могут себе вообразить©Зигмунд Фрейд

-Лера-

— Да не ссы ты, Лерка! — смеётся подруга, затаскивая мой чемодан в гостевую спальню её родительского двухэтажного дома. Рыжие пружинки по плечам так и подпрыгивают от каждого движения у её светлого лица. — Ну, забыла я сказать отцу о твоём приезде и что? Думаешь, выгонит на ночь в гостишку? Ага, как же! Это пока ещё и мой дом тоже! — призывно повышает свой чистый голос. — Мои друзья могут жить здесь столько, сколько угодно! А не нравится ему, что — так пусть быстрее доделывает ремонт в моей

квартире и мы с тобой свалим! Мне через полгода уже девятнадцать, Лер, а они следят точно я маленькая! Квартиру родaki подарили на совершеннолетие, но, как видишь, я до сих пор живу с папочкой!

— Олесь, наверное, всё же..., — противоречу самой себе и желанию, что заставляет сердце биться в груди. — Неудобно так, — кусаю губы и тереблю свои пальцы в попытке представить, как Вадим... Сергеевич отреагирует на необходимость месяц находиться со мной под одной крышей. Ведь этот мой глупый приезд в родной город спровоцирован только...

— Да ты нравишься моему батe! Успокойся уже, — перебивает заливистым смехом подруга, а я тихо дую на свои алые щёки, в надежде, что она не придаст им значение. — Ты всем нравишься, Лер! Аура такая, тебя же обнять хочется, а не послать, как меня! Не зря же к своим девятнадцати уже ходишь в невестах, пока я меняю парней, пытаюсь сыскать хоть одного годного, а?

— Да не говори ерунды, — хмурюсь и отворачиваюсь. — Ты у нас, Лесёнок, просто разборчивая, — смеюсь глухо, а сама так и поглядываю в окно, за которым уже порядком стемнело.

Заезд к дому освещён, и парковка тоже. Сейчас на ней стоит маленькая розовая тачка подруги, но вскоре появится чёрный внедорожник. Широкий и стильный. Большой и пугающий. Не уступающий в брутальности своему обладателю.

Все внутренности скручивает узлом от одной только мысли. Сильно ли он изменился за этот год?

Мои родители продали квартиру и переехали в Северную столицу, как только я поступила. Здесь не осталось ничего, кроме детских воспоминаний... И никого близкого, кроме Леськи, и...

Дрожу так, что ходуном ходят руки. Зачем я в действительности приехала сюда из Питера, где казалось уже обжилась? Зачем подгадала по времени, чтобы быстрее сдать сессию, собрала вещи и рванула на первый поезд в город своего детства?

Ради сдачи экзамена на права, ведь здесь проще — именно так официально звучит моя версия. Я имею право сдать здесь, по месту бывшей прописки. Надо только откатать с инструктором по городу определённое количество недобитых часов, предъявить комиссию и пойти на экзамен. На всё про всё мне необходимо от двух до четырёх недель. Леся, услышав про моё возвращение, тут же заявила, что жить будем вместе, а мне в действительности...

Именно это и надо было, а не какие-то права. Ведь Тёма, что ходил за мной по пятам с самого детства, и стал незаметным спутником в первый год самостоятельной, студенческой жизни — совсем недавно сделал мне предложение, а я взяла и зачем-то на него согласилась.

Слишком достоверно убеждала себя в том, что не люб-

лю Вадима...? (Просто Вадима. К черту отчество, на котором вечно спотыкаюсь.)

Неужели в тот день, отвечая Тёме, я действительно смогла убедить себя в том, что все мысли о Громе — это всего лишь моя детская надуманная фантазия? Придуманная сказка и мечта, не имеющая с реальной жизнью ничего общего? Да, но нет... или нет, но, да?

Все последние годы меня только и делал, что пожирал изнутри безумнейший стыд!

Мне вечно приходилось прятать от Вадима взгляд за густой поволокой ресниц. Зато в спину я смотрела во все глаза. Выжигала его плечи, рельеф. Не могла оторваться, пока Громов не оборачивался, чтобы потушить мой пожар своим холодом. Вернуть в реальность, объясняя без слов: не надо.

Видел ли реально он всё? Мне казалось, что да, но могла просто замечтаться.

Я писала про него в дневник, не спала ночами, ожидала и придумывала мимолётные встречи, а по утру делала из записей конфетти, в невозможности беспалевно сжечь бумагу.

Я корила себя... За всё те чувства и желания, что вызывал во мне образ отца лучшей подруги...

Я игнорировала всех остальных парней, пропуская в круг общения только привычного Тёму. Прячала своё тело под пацанскими нарядами, в вечном оверсайзе. Не хотела, чтобы

кто-то кроме него на меня смотрел. Так, как может смотреть только опытный и сильный мужчина...

Я никому не рассказывала о своём помешательстве. Прятала от Леськи глаза, а перед окончанием школы набралась смелости и напросилась к Вадиму в «ученики» на пару-тройку уроков вождения. Отец как раз продал машину, чтобы добавить на новую квартиру. Никто не увидел подвоха. Громов согласился... И я с упоением пропускала сквозь себя мысленно первые раскаты его полного имени, отдающего вибрацией в уши и в душу.

Вадим Сергеевич Громов провёл со мной куда больше заявленной пары часов: один на один, он оставался со мной в душном автомобиле, на тренировочной бетонной площадке долгими вечерами; один на один, не говоря лишнего, он окутывал меня взглядом, от которого подгибались колени, он заставлял меня забывать, как дышать; один на один, он будто случайно касался моей руки или бёдра — меня же прошибало настолько, что я в моменте бросала педали и путала все алгоритмы вождения...

Видел ли он это? Казалось, бесспорно. Но не критиковал мою тупость, а предлагал начинать всё сначала. Я начинала.

Один на один — я не скрывала от отца подруги своих эмоций: смотрела на него влюблённым взглядом и преданно слушала, не смея заговорить о желаниях или чувствах.

На тот временной отрезок Вадим ещё был женат — развёлся после совершеннолетия дочери. Я в тот момент, всего лишь как месяц, отпраздновала свои восемнадцать...

Со стороны никакой аморальщины, верно? Спорно, если копать глубже.

Всё так, да не так...

На сегодняшний день, теоретически, он свободен, а у меня чуть больше месяца до дня свадьбы, что всю планируют наши с Тёмой родители.

Большую часть этого срока я собираюсь прожить под крышей Громова и разобраться на деле: я просто сочинила себе правдивую детскую сказку или же...?

Насколько аморально гореть идеей проверить на прочность отца лучшей подруги? Соблазнить... Исполнить мечту, в которой Вадим был и есть — единственный, кто достоин стать моим первым.

Насколько запретно хотеть одного, когда собираешься за другого?

В сравнении с более серьёзными грехами, кажется, не так уж сильно я и косячу. Жизнь одна. Невеста — ещё не жена..., да?

Невинность Тёмычу я не дарила и про её наличие старалась скромно умалчивать, а он наверняка приписывал за это мне доп очки: тихая, покорная, скромная... Мда. Слишком

далеко всё зашло в попытке забыться...

И всё же, здесь скорее сложность в другом: мы с Леськой, с ранних лет обещали друг другу место свидетельницы на своей свадьбе; между нами не было секретов (во всём, кроме того, что касается её отца); и если она узнает, что сейчас я её тупо использую (а так и есть, как бы не было за это стыдно) — наша дружба будет полностью уничтожена.

Она не простит, не поймет, что я просто слишком давно...

В общем, опять всё так, да не так, правда?

— Лесён, может мне всё же свалить, пока твой отец..., — хмурюсь, откатывая назад все свои дурацкие планы. Потерять подругу ради запретной страсти — это...

— Поздно, — констатирует она дерзкой улыбкой и цитирует заговорщическим шёпотом детскую страшилку. — Прячьтесь по углам, детишки, и будьте паиньками...

— ...сам чёрт уже дома, — вторю ей настороженным голосом.

— Помнишь, как мы глумились, гадали на мужей ночами, да при свечах, да, Тихая? Кто тебе тогда выпал, а? — смеётся Олеся и направляется к выходу. — Кажется, имя одного из соседей?

«Твой отец...» — едва не проговариваю вслух, вспоминая детские глупости, но она уже переключается на иное.

— Ах, да, Лерка, я же забыла предупредить: папа-то как

про твою свадьбу услышал, прям с катушек слетел. Видимо очередной возрастной кризис словил: боится теперь, что я букет невесты поймаю! Прикинь? Уф-ф! Сиди смирно, я тебя позову. Пойду вначале его сама обрадую!

И я сажусь. Вернее, молча оседаю на стул, гадая, какой смысл был вложен подругой во фразу: слетел с катушек...? Вадим? Тот самый кремень и мистер-самообладание? Да ну нафиг...

Разве что... Всё так, да не так..., правда?

Милые! Готовы окунуться вместе со мной в глубокий омут чужого безумия?))

Обещаю: будет очень волнительно и сладко.

Смело присоединяйтесь! История останется бесплатной в процессе.

За вход только отметка «мне нравится» и добавление в вашу библиотеку.

Поприветствуем друг друга в комментариях и пожелаем ни пуха, ни пера?))

С любовью и нежностью.

Ваша Я.

18.05.2026г.

Погнали!

P.s— Подписывайтесь на Автора, чтобы не пропустить

выход и завершение интересных Новинок##

Чужая невеста

Маленький ребенок аморален, у него нет никаких внутренних торможений против стремления к удовольствию
©Зигмунд Фрейд

-Лера-

— Лесь, я против, — безоговорочно отрезает Громов на посыл дочери, и я зависаю на середине изогнутой лестницы, ведущей в холл. Сжимаю пальцы до белых костяшек вокруг перилла, ломаю голову над неподъёмным вопросом: и что теперь, идти вперёд или вернуться?

Вадим... Сергеевич даже не хочет меня здесь видеть. Ответ получен досрочно, а я... Надумала себе всего...! Решилась приехать, а, как оказывается, смена статуса в его паспорте ни на что не влияет...

Ещё секунду назад хотелось выйти, улыбнуться и поздороваться; попытаться объяснить ему своё появление в доме, не упрекая в забывчивости подругу, а тут... Здесь. Толком и говорить уже не о чем.

— Да почему, пап?! — вспыхивает Леська так рьяно, что

её щёки становятся визуально ярче огня, которым от природы бликуют кудрявые волосы. — Ещё скажи, что её влияние меня испортит! Это же Лерка! Ты о чём вообще? Мы с одного горшка вместе! Я от мамы свалила из-за этого долбанного контроля каждого моего шага! Теперь и ты туда же?!

Олеся Вадимовна рвёт и мечет, а я неминуемо улыбаюсь, с оттенком грусти, и мысленно благодарю подругу за эту защиту. Становится даже совестно за свой приезд и обман, за всё это... Я ведь за неё тоже горой и при необходимости не задумываясь загорожу от всего и всех грудью. Но перед свадьбой мне надо было появиться здесь. Чтобы понять и принять. Попрощаться с юностью и мечтами. Увидеть Вадима другим. Разбить все иллюзии.

Понять, что Громов не воспринимает меня больше, чем подругу дочери. Или, вообще, не воспринимает...

— Леся, такие вопросы надо решать заранее, а не ставить меня перед фактом. Поэтому нет, — пресекает Громов истерику дочери серьёзным, негибким тоном.

Я всё ещё не вижу его, но чувствую. Вадим стоит за колонной, и воздух буквально сгущается в его присутствии. Горло перекрывает комом, грудь дёргается в попытке вдохнуть и не задохнуться.

Обострившееся обоняние выхватывает древесно-горький аромат истинно-мужской туалетной воды. Слух ловит при-

сущие только ему тяжёлые вибрации решительного и непреклонного голоса. А мои пальчики на перилле начинают ощутимо дрожать в желании почувствовать под подушечками тактильно плотный материал его пиджака, хруст рубашки, натяжение мышц, бархат кожи... Хочется, хотя бы просто пожать ему руку, стараясь в присутствии этого мужчины привычно прятать мысли, не мечтая о большем...

Тёма и не догадывается, какие фантазии порой приходят мне в голову. За этот год я не позволяла ему ничего более поцелуев, объятий и ощупываний рельефа тела поверх одежды. Строила из себя недотрогу? Да нет вроде.

На деле он классный парень: красивый, высокий, привычный, серьёзный.

По словам мамы: именно такие и становятся идеальными мужьями, ведь им уже в двадцать не нужны друзья и шалавы.

Цитату утрирую, но смысл понятен.

Я поступила в Питер — он тут же перевёлся следом, и весь этот год я при всех только и делала вид, как же от этого счастлива. Даже почти убедила себя в сущем везении, раз не думая брякнула «да» на предложение, озвученное в кругу семьи в мой день рождения...

А после пришло горестное осознание, почему же я так и не дала Тёме за год.

И причина далеко не в том, что я набивала себе цену в

желании обменять девственность на подвенечное платье. Я просто слишком давно загадала, чтобы первым стал... Вадим. И эта мысль до сих пор не даёт мне покоя.

Громову сейчас сорок два. Мне девятнадцать. Тёме двадцать один.

Между ними целое поколение и неимоверная пропасть в сравнении! А ощущение такое, будто с отцом подруги у меня, (вопреки доводам разума и логике, орущей благим матом), больше точек соприкосновения, чем с парнем, что любит меня почти целую жизнь.

Я даже прописала для себя этот дичайший кринжовый список, перед приездом сюда, где честно оформила все за и против, минусы и очевидные плюсы. Громов победил с неимоверным отрывом. Он просто размазал Тёму, уничтожив соперника в самом зачатке!

Ну, и что в итоге?!

Это ли, та самая депрессия невесты, в наличии которой уверяют доморощенные психологи? Я просто боюсь принять серьёзное решение? Или действительно люблю Громова, все эти годы? А тщетно прикрываюсь ото всех отношениями с Тёмой.

— Лера? — обрывает мои мысли мужской голос, влетая в сознание своим слишком глубоким посылом.

Вадим сделал шаг вперёд, чтобы обнять и успокоить кри-

чащую дочь, а наткнулся взглядом на меня, замершую посередине лестницы.

— Здравствуйте... Я сейчас уйду, — хмурюсь, с ходу не придумывая ничего большего. Нужно сделать пару шагов в какую-то сторону, а ноги ощущается ватными и вовсе не слушаются.

— Уйдёт со мной! — рывкает подруга, в пару секунд оказываясь рядом. Хватает меня за руку и волоком тащит вниз, грозя свернуть шею обоим своим нехитрым манёвром. — Мы в клуб, папочка, праздновать Леркин девичник! — заявляет Леся, оттащив меня, как тряпичную куклу к порогу. — И даже не смей за мной следить! Понял? — окрикивает она задумчивого отца.

Я прячу глаза. Не дышу и послушно шнурую кеды.

— Ты за кого там замуж собралась, Тихоня? — уточняет Вадим, нависши над нами неприступной скалой.

Мы с Леськой у пола, склонившись над обувью. Для ответа приходится задрать голову и оценить во всей красе, как Громов стоит, выправив широкие плечи, сощулив глаза, постно засунув пальцы в карманы.

Невольно улыбаюсь ему уголками губ. Совсем не изменился.

Зато каких только изменений не претерпела по жизни моя фамилия. Порой Тихвинская звучит слишком сложно, так каждый придумывает от неё свой отголосок. Так, Олеся по

праву зовёт меня Тихой, а Вадим... Сергеевич...

— За Тёму, — нелепо оправдываюсь перед ним, пожимая плечами. Прячу губы, опускаю взгляд на шнурки.

— Это тот, что прохода не давал тебе с детства? Значит, добился. Упрямый пацан. Молодец. Своего не упустит.

— Пап! — огрызается Леся, действуя как ребенок наперекор. — И не жди нас, понял?!

— Понял. Конечно. В двенадцать, чтобы были дома, — глухо усмехаясь, кивает Громов. — И местоположение не отрубай, иначе заблокирую карты.

— Да ты...! — взывает подруга. Распахивает дверь, чтобы оставить за собой последнее слово и громко ей хлопнуть.

Вновь утаскивает меня за руку, отдаляя от того, к кому тянет магнитом. Лишь выхватываю напоследок серьёзный взгляд, извиняясь своим за её капризное поведение.

Улица. Парковка.

— Лесь, мы реально куда-то поедем?

— Теперь — да! — достаёт телефон, вызывая такси. — А ты поняла, а? — смеётся, резко меняя свою интонацию и настроение. — Не родилась ещё та, кто сумеет крутить папашей лучше меня! Всё норм, Лерка! Я вырулила. Ты остаёшься!

— Я — да..., — тяну задумчиво и запоздало проговариваю: — Спасибо.

Не забывайте отметить Новинку звездой и приютить в своей библиотеке.

История БЕСПЛАТНАЯ В ПРОЦЕССЕ ##

Пишу для Вас в рамках Литмоба «Аморальная любовь»

Бунт, страсть, запрет## <https://litnet.com/shrt/IyJq>

— самый горячий литмоб этого лета.

Не отказывайте себе в удовольствии — забирайте к себе все книги!

Познакомимся ближе?!

Визуалы

Валерия Тихвинская (Тихая/Тихоня и прочие производные от фамилии)

Возраст: 19 лет

Статус: студентка психологического факультета.

Лучшая подруга: Олеся Вадимовна Громова – 18 лет

Характер: сильная и независимая, вопреки сложившему стереотипу о внешней скромности и покорности.

Умница, красавица и далее по списку.

Отличительные особенности: Умеет мечтать — вот так, прям до дрожи. Ярко, красочно и с мурашками-импульсами, что расходятся по всему телу.

В меру правильная/или испорченная?

Идёт напролом ради достижения своей цели. (Как правило, это срабатывает со всем и всеми, кроме... Вадима Сергеевича Громова. Этот крепкий орешек пока держится и не поддается на провокации).

Слабости: Искренность. Дружба. Любовь, что приходится держать в тайне = Громов Вадим Сергеевич.

Семейное положение: помолвлена с другом детства — Артёмом Смирновым. Чуть меньше года находится в статусе его девушки, до этого отношения в паре носили сугубо дру-

жественно-платонический характер.

Локация на ближайший месяц: город детства – коттедж Громова.

А после: свадьба...

Собственно, а вот и её прелесть...

Вадим Сергеевич Громов

Возраст: 42 года

Статус: предприниматель. Владеет компанией, регулирующей нишу в строительном бизнесе.

Характер: серьезный, взвешенный, в меру вспыльчивый. Считает, что свои эмоции и желания можно держать под контролем.

Отличительные особенности: Самодостаточный. Не считается с мнением остальных, если собственное превалирует в той или иной ситуации. Решительный. Не отступает назад, если что-то вбито в голову.

Слабости: женские капризы(в большей степени этим пользуется дочь). Нежность, молодость, искренность, мягкость, чистота и непорочность — сошедшиеся воедино в подруге дочери. Несколько долгих лет, глядя на неё, он сопротивлялся как мог. Не осилил напора и со скрипом впустил в своё сердце.

Семейное положение: разведён. После совершеннолетия дочери честно признался жене, что увлекся другой. И, хотя,

по его мнению, у этих отношений не было будущего, продолжать действующие так же не было смысла.

По итогу судебных прений и раздела имущества дочь территориально осталась с отцом.

Локация на ближайший месяц: небольшой, привычный периферийный городок, в котором ведёт успешный бизнес, растит единственную дочь и живёт с самого рождения.

Двухэтажный коттедж, оставшийся в собственности после развода, так как жена решила не связывать себя с прошлым и начать жить с нуля. Кабинет и несколько зон на первом этаже, а также три спальни на втором. Средняя из которых является гостевой.

А после: ... Может случится всё, что угодно, правда?

Но, что получится, если стальную выдержку разделить на подростковый максимализм и бунт против норм общественного мнения, нравственности, и морали?!

А если добавить во всё это ещё и щедрую долю страсти, желания и первой, чистой, такой рискованной и бесстрашной любви?

Сможете решить уравнение верно?

*Лера * X² + Вадим * X = ##*

где переменной являются дружба, обещания, обстоятельства и всё, что разделяет наших героев, а так же

слишком сильно притягивает друг к другу.

(Не) БЕГИ от МЕНЯ

Если сможешь...

Бесплатно в процессе

Ваша

© Юлия Прим

Чёрная метка

Чем безупречнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри © Зигмунд Фрейд

-Лера-

— С чего начнём веселье? — смеётся Леська потрясывая у банкомата пачкой разноцветных купюр. — Смотри, какой веер! Специально разменными взяла. Так и не скажешь, что всего тридцать штук. За то будет, что мужикам в трусы совать. Много и часто. Да, Лер?!

— Ты серьёзно? — поджимаю губы и хмурюсь, представляя картинку. Я сюда не за этим...

— Ну, мы же девичник идём устраивать, а? Как же без стриптизёров? Всё зачётно будет. Или скажешь, что ты ещё член в руках не держала? — ухахатывается, распахивая наличку по всем карманам. В мои джинсы тоже тычет в придачу.

Отмалчиваюсь, закусывая нижнюю губу. Увожу взгляд вниз.

— Реально?! — ошарашенно смотрит она на меня и быстро хлопает глазками. — Ну ты вообще дура, подруга! И как ты замуж собралась, если не с чем и сравнивать? А если Тё-

ма не того... Ну, в плане он красивый, крутой, не спорю, но, может, у него там в штанах с палец или не стоит нифига?

— Лесь..., — пытаюсь вставить слово, но поздно. Грозову несёт! Да так рьяно, что уже не остановишь!

— Бли-иин, а как он сам-то? Весь год дрожит на твои фотки, что ли? Это же пипец! Ты чё, вправду решила, как раньше, после брачной ночи белые простыни напоказ гостям вывешивать? Лерка, рехнулась? Ну дорога тебе девственность, так и оставила бы её парню на сладкое! Много же вариантов есть! Могла бы хоть до орала его допустить! Язык-то у Тёмы подвешен как надо! Да и сама бы в рот взяла — не растаяла! И не фукай, блин, Лерка!

Уже открыто ржёт, запыхавшись тараторить всякую дичь. Смотрит на мою невольную гримасу, в которую я превращаю лицо.

— Вот же дура, а?! — сокрушается сердобольно. — И Тёму реально жалко. Я то, как услышала про свадьбу — решила, что ты залетела! А нафига вообще жениться в таком возрасте-то? Ещё папе ляпнула типа: прикинь Тихая наша даёт! Его перекосило не меньше, чем тебя сейчас при мысли о необходимости отсосать! Но теперь-то понятно, чего Тёма побежал на днюху предложение делать! Неясно одно: как он вообще на сухую с тобой столько продержался? Столько праздников пропустил: от первого сентября до первого мая!

— Так, может, реально любит? Вот и терпел, — поднимаю

бровь, смотря на неё в подобие вызова. — Заканчивай надо мной глумиться, Лесь! — рявкаю громче и выдыхаю, не зная, что ещё придумать в свою защиту.

Признаться в том, что не особо-то мне и хотелось лишаться невинности? Я и на психфак пошла только ради того, чтобы разобраться в себе и своих желаниях. И уже сотню раз за этот год задумалась на тему своей фригидности.

Проблема в том, что в такие моменты, как правило, мне снился Громов... Отец Леськи. И вопрос о возбуждении и тайных фантазиях на тему первого раза сам собой тут же снимался с повестки.

— Да ладно, не ссы ты, — обнимает меня по плечам подруга.

Плотнее запахиваю на груди тёплую рубашку. Под ней белая футболка, ниже джинсы. Как приехала, так и выскочила «на девичник». Леська тоже в толстовке, в кедах, да джинсах.

— Тёма же твой не девственник, правда? — лилейным тоном гонит подруга. — Помнишь, сколько вокруг него девчонок было ещё пару лет назад? С кем-то, назло тебе, точно спал. Ты же до Питера и близко не подпускала. А тут почти год секса ждёт! Парень умный — сделает всё красиво. Точно тебе говорю! Я вон Артуру дала впервой и вообще не жалею. Заморочился парень: цветы, свечи, ванна с пеной. Ты, Лерка, только на берегу договорись, чтобы вначале от ласк кончить самбй, — кривит своё милое личико, оправленное

яркими волосами, и выдаёт постно: — А то потом болью все воспоминания смажешь.

— Учту, — выдыхаю грузно, представляя, как бы заявила о подобной просьбе её отцу... Да твою же...! Щёки вмиг заливает жаром так, будто под ними включены тэны. — Пойдём уже, куда ты хотела! Только давай, Лесь, сразу договоримся на берегу, — озвучиваю условие её же посылом: — Меня не лапать, окей? И свои члены... пусть всё же оставят под шортами, или в чём они там ходят?

— Дурында, — ржёт Леська, не скрывая тот факт, что считает меня убогой. — Такой шанс был, а? Но прям гордость берёт за тебя, Тихая. Всё Тёме! Всё! Тёме! Я ему расскажу про твой подвиг в канун первой брачной!

Сбито киваю и проклиная этот приезд, на чём свет стоит. Чего мне не сиделось в Северной, ожидая своей участи?

Моё запястье вновь крепко вжато в её захват. Леська болтает без устали и тащит вслед за собой по известному только ей маршруту.

У меня с собой даже нет телефона, при возникновении желания свалить, или, если вдруг где при случае потеряюсь.

Перебираю в памяти всё, кроме экстренных служб, и прихожу к неутешительному: наизусть помню только три номера — мамы, папы и Громова.

Если придётся делать вывод, кому этой ночью звонить — я наберу с чужого аппарата последнего.

Яркая вывеска, неон, изогнутый в виде коктейлей. На входе небольшая очередь и охранник, которому Леся машет ещё за десяток метров.

— Пашуль, эта красotka со мной.

— Паспорт, — нейтрально заявляет верзила, хотя и пропускает нас к самому входу, а не стопорит, как тех, кто пришёл раньше.

— Дома забыла! Что за вопросы, Паш? Девичник у нас спонтанный нарисовался, а восемнадцать мы ещё в том году справили! — закатывает Леська глаза, выражая полнейшее негодование по поводу чужого невежества.

— Ты замуж выходишь? — добавляет эмоции в голос «тёмный костюм».

— Нет пока, — тут же игриво ласкается Леська и делает шаг к сближению. — Ты же не зовёшь? Папу моего боишься, да? Зря... Вот и приходится пока туда на разведку отправить подругу. Осталось девичник отметить в компании ваших парней. А то, когда ей теперь подобное светит?

— Идите, — открывает для нас проход, улыбаясь подружке лишь уголками губ, сложенных в продольную линию. — Колян у на баре скажи про девичник. Поздравит и допы выдаст, — бросает ей вслед, а сам передаёт кому-то по рации: — Девочек от меня прими. Чин чинарём. Одна — невеста.

— Оу-уу, — кивает мне Леська и тихо хохочет над новым

открытием, пока ведёт к основной двери клуба, откуда до нас долетают басы. — Походу, Лерка, тебе сейчас от заведения ещё и резиновый фаллос вручат или плётку! Придётся за это тебе всё же впихнуть мальчикам денег прямо в трусы!

— Уже хочется свалить, — цежу сквозь зубы.

Она как раз распахивает дверь и мои барабанные перепонки с непривычки начинают вибрировать так же, как и динамик в колонке.

— Чего?! — добавляет громкости подруга мне прямо в ухо.

Стискиваю зубы, развожу губы в улыбке и показываю жестом «окей» — всё гуд. Она кивает и ещё крепче фиксирует моё запястье, утягивая сквозь тьму, неон и движение лучей к Клондайку в виде бара с несметным количеством разнообразных бутылок.

Что-то объясняет бармену, перегнувшись за стойку, и получает в руки фирменную розовую коробочку и обещание приготовить подарочные коктейли.

Спустя десяток сглатываний слюны, уши слегка привыкают к музыке. Становится реально разговаривать и слышать. Видеть то, с каким энтузиазмом подруга вскрывает картон и вытаскивает на свет подарки.

— Ммм, какая прелесть! — едва не орёт, воздвигая мне на голову бутафорское кружево, в виде короткой фаты. — А

этим чай мешать будешь! Смотри, какой сладкий, да!? И сахара не надо! — ржёт Леська, аж зажмуриваясь от удовольствия, когда снимает пакет с розового изделия из резины, выполненного в очень натуралистическом стиле. Аж венки все вздутые выточены и головка...

Бр-р. Как в порнушке!

Бармен выставляет перед нами пару ярких бокалов и заключает смешком:

— Изделие стерильное, дамы, при желании можно смело макать в алкоголь и облизывать. Менеджера вам позвать, чтобы невесту на сцену уволокли в компании парней и с шампанским?

— Нет, — машу головой. Фата падает на лицо привлекая внимание, как черная метка: хочешь не хочешь, а взгляд окружающих неустанно упирается теперь только в меня.

— Как нет, когда да? — гневно вспыхивает подруга и осушает разом половину бокала. Достает из кармана первый свёрток наличности и дополняет парню игриво. — Девочки хотят шоу! Пожалуйста, на сцену обоих.

Эмбарго 18+ Юлия Прим

Новинка → <https://litnet.com/shrt/3Ccw> ##

| однотомика | секс по дружбе | страсть | безумства | глупость | молодые | дурные

Бутафория

У каждого человека есть желания, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не сознаётся даже себе самому © Зигмунд Фрейд

-Лера-

Духота. Тяжёлое вздымание грудной клетки. Терпкий аромат тяжёлого мужского парфюма, смешанного с алкоголем и каким-то животным возбуждением, напитавшим весь воздух.

Мы с Леськой на сцене. Сидим на двух стульях — спина к спине. Рядом четверо или пятеро парней. Медленно ходят по кругу, пританцовывают в моменте и скидывают с себя элементы одежды.

Моё внимание расфокусировано. Пальцы вцепились в сидение. Губы периодически пересыхают. Часто облизываю их, замечая боковым чужие похотливые улыбки.

Парни играют. Реально играют. Не тычут в нос причиндалами или пошло выставляют перед лицом свой накаченный зад. Нет. Они действуют красиво и филигранно: заводят на максимум, не прикасаясь.

У парочки из них в руках открытые бутылки с шампанским — эти парни периодически пошло выставляют тару вперёд, имитируя член, и «передёргивают» взбалтывая напиток, обливая нас с Леськой кислой пеной с щекочущими пузырьками.

Один такой, прямо сейчас, демонстративно приоткрывает свой белоснежный оскал, вываливая из собственной пасти длинный язык. Ухмыляется, глядя на меня и призывно дрыгает им в воздухе, целясь своей алкогольной струёй прямо мне в рот.

Только и успеваю зажмуриваться от брызг, что разлетаются по щекам. Глотаю, то, что попадает в цель, ведь сидеть рядом с такими «харизматичными парнями» закрывши рот попросту не выходит.

Второй с бутылкой — чуть повыше и шире, а целится каждый раз исключительно в грудь и наблюдает с ехидной улыбкой, как белая футболка облепляет соски. Тонкое кружево, выполняющее роль поддержки, опоры, тоже промокло от алкоголя и начало нещадно царапать возбужденную кожу, оголяя рефлексy.

— Лерка, ты норм? — орёт на ухо подруга, протягивая мне в руки еще одну, откуда-то взявшуюся, початую бутылку.

Забираю орошать пересохшее горло и жадно глотаю несколько глотков подряд, едва не выпуская наружу шампан-

ское носом.

— Оставляй себе, — смеётся Громова. — Я сейчас себе ещё выцеплю!

— Я норм, — выдыхаю запоздало, откидывая с лица фату, что при движении так и порывается скрыть вуалью бесстыдство моего взгляда.

Футболка насквозь промокла, прилипла к коже и это видят не только ребята, что крутятся вокруг нас. Внизу столики и толпа гостей, дальше танцпол — мы всем, как на ладони. Плевать.

Мою тёплую рубашку, и Леськину кофту парни сняли и откинули в сторону, как только мы посадили на стулья пятые точки. Могли бы уже стащить с нас и джинсы! Возвращаться в мокрых — так себе идея для прохладного вечера.

Пью шампанское, полупьяно улыбаюсь поверх бутылки на идиотские выходки и движения, что транслируют парни. В каждом из них читается недвусмысленный секс: имитация акта и визуальное совокупление.

У меня отсутствует практика, но теорию-то я знаю. Изучала, смотрела, разве что привычно под запись не конспектировала.

«Хорошему психологу раз в неделю надо смотреть стоящую порнушку!» — уверяет мой самый противоречивый

препод из универа. — «Секс — это чистый язык тела. В нём вас не обманывают. Так что смотрите и учитесь считывать эмоции. Видеть оригинальную, животную мимику и различать слабые имитации».

Помнится он даже предлагал притаскивать на семинар особо понравившееся ролики для всеобщего обсуждения. Студенты встретили предложение на ура, декан — с осуждением.

А эти парни «живые». От них прёт неразбавленный тестостерон. У них визуально прямо колом стоит под одеждой! Они не скрывают ощущения своего превосходства, понимания, насколько же они офигенные!

— Ле-еесь, — смеюсь и топлю шампанским отголосок своей бурной истерики. — А сколько стоит такой один?

— Танец, приват или на ночь? — под укачивающую музыку, что окружает в пространстве именно нас, серьёзно рассуждает подруга. А потом взрывается диким смехом, опровергая состояние собственной трезвости. — Лерка! Ты что переспать с кем-то из них что-ли решила? Дура...! Да меня твой Тёма после... На лоскутки! И по ветру!

— Тёма пацифист, — хихикаю, доставая из кармана купюры и робко вкладываю одному в руку. — Ничего я не хочу. Просто спросила. Смотри, как они блестят.

— Ага, от масла, — поддерживает подруга. — И походу скользкие до жути, что и не повиснешь на шее при всём же-

лании! А дай мне хоть тебя понюхать, сладкий, — томно обращается к тому, что сейчас перед её глазами.

Прогибаюсь вбок заценить, отхлёбываю шампанское из горла и смеюсь:

— Красавчик!

Пузырьки незаметно бьют в голову и добавляют игривого настроения. И уже тот, что привычно целился алкогольной пеной мне в рот, призывно взбалтывает бутылку в руках, зажимая широкой ладонью стеклянное горлышко. Призывно рычит, прижимает дно тары к своему паху и мгновенно «спускает», обдавая таким мощным потоком, что шампанское пропитывает джинсы насквозь и стекает по моим икрам прямиком в кеды.

Спорно смеюсь, поправляя фату. Икаю. И выдаю:

— Да вы отбитые напрочь!

— Хочешь ещё? — выпаливает парень, стягивая с себя борцовку, а потом рывком и брюки, что держались по бёдрам на каких-то липучках.

— А хочу! — запиваю увиденное, проходясь по нему оценивающим взглядом. Этот гад ухмыляется и вытаскивает мне на закуску конфетку откуда-то из своих узких плавок, в которых при мощной эрекции вообще не осталось места под какой-то кармашек.

— Ой, фу-у, — хохочу и мотаю головой в нежелании при-

нимать такой щедрый подарок.

На что Леська вставляет резонное и громкое, без разбирательства о причине моего выпада:

— Блин, ну, просила же членами перед ней не трясти! Невеста у нас ещё девочка! Давайте-ка с ней на лайте!

Парень добродушно подмигивает Громовой и протягивает ей конфетку, которую подруга без раздумий тут же хомячит.

Я лишь прикрываю рот ладонью, чтобы не сболтнуть лишнего. Смеюсь в свои пальцы. Кручу головой, вслед за сменой парней и в этот момент вижу Его...

Игривое настроение тут же даёт сбой и уступает место прострации.

Вадим стоит среди многочисленных высоких столов в пяти метрах от сцены. Визуально теряется в толпе, которая пришла за бóльшим, чем танцевать, но с тех пор, как мой взгляд зацепился за знакомые очертания — я вижу только Его.

Парни меняют места. На меня брызжет шампанское, а я прикладываюсь губами к бутылке и смотрю прямо в глаза того, кто давно похитил моё сердце и душу.

Громов держит в руке бокал со льдом. Слегка взбалтывает янтарь. Монотонно пьёт и не морщится, отслеживая происходящее на сцене.

Нервно вскидываю голову, допивая то, что осталось в бу-

тылке на дне. Отдаю парню тару не глядя.

— Заменить?

Молча киваю. Отец подруги мягко качает головой, будто пытаюсь образумить меня, как нашкодившего ребёнка. Совершает общеизвестный жест двумя пальцами: я слежу за тобой (или за вами); я тебя (вас... нас с Леськой) вижу...

— Громова? — тяну, облокотившись назад.

— Уу? — ещё более пьяно отвечает подруга.

— А можно, с кем из парней станцевать? Прям тянет.

— Чтобы полапал чуть? — смеётся она в ответ.

Возвращаю голову, приковывая взгляд к высокому столу. Перед её отцом уже второй бокал. Один пустой. Второй полный наполовину.

— Да пусть и не чуть. Лапает, — парирую хлёстко, бесстрашно подготавливая Вадиму ответку на его «слежу».

Следи... Отправляю взглядом.

— У меня же девичник, Лесь? — усмехаюсь подруге. — Хочу страсти. Пусть этому счастливчику начнут все завидовать!

Первая ласточка

Мы выбираем друг друга не случайно. Мы встречаем только тех, кто уже существует в нашем подсознании©
Зигмунд Фрейд

-Лера-

Чужое дыхание на моей коже, ещё никогда не ощущалось так остро.

К нему одновременно влекло и от него отторгало. Оно было горячим, обжигающим и выстужающим все внутренности, сжавшиеся в один большой плотный комок. А всё потому, что оно принадлежало не тому, кого хотела бы видеть рядом, или хотя бы Тёмычу, которому доверяю, а какому-то левому парню.

— Расслабься, детка, — елеиным тоном шепчет незнакомец на моё ухо и упирается в мой зад самой напряжённой частью своего тела.

Одной рукой он придерживает мои запястья, заведённые вверх. Вытягивает меня точно струну, на которой столь гениально играет.

Второй рукой он плавно давит на моё бедро, задавая в тан-

це ритм корпусу тела. Ведёт и подстраивает под себя движения, а уверяет, будто делаю всё сама.

— Я тебя не съем, — издевается, щёлкая перед моим ухом зубами. И тихо ржёт, прогибая перепонки вибрацией.

Пересиливаю себя и прижимаюсь к нему ещё ближе. Создаю иллюзию перед зрителями, будто меня реально прёт от подобной активной агрессии. Выдаю желаемое за действительное: «Всё нормально, люди. Отрывается невеста в последние дни свободной жизни...»

Играюсь на последних из сил, а у самбёй уже прикрываются глаза, как в подобие полудрёмы. Сознание заметно плывёт, но всё же не настолько, чтобы перестать контролировать ситуацию. Как бы меня ни шатал в танце парень; где бы ни были его руки на моём теле — якорем всё ещё служат глаза Вадима, наблюдающего за происходящим на сцене с куда более ощутимой и значимой напряжённостью, чем стальной пах, периодически елозящий по моим ягодицам.

Леська где-то рядом с ребятами или уже ожидает меня на баре. Наверняка привычно веселится и хохочет, пропуская сквозь себя нефильТРованные эмоции, а я... Пытаюсь понять: зачем на деле здесь присутствует Громов? Решил убедиться в том, что детки без его надзора не нашалят чересчур? Или всё же имеется личный интерес, на который я так

сильно надеюсь?

Невольно улыбаюсь и морщусь от шекотящего прикосновения к своей шее. Только приоткрываю рот, чтобы попросить парня так больше не делать, как замечаю гипнотический взгляд Вадима. Его лицо, прямо сейчас, пробивает нескрываемый импульс болезненной судороги, а пальцы сжимаются вокруг бокала так сильно, что появляется ощущение, будто стекло вот-вот треснет.

Тяжело выдыхаю, и едва не спотыкаюсь.

— Отец или любовник? — лукаво шепчет на моё ухо очередной доморощенный псевдопсихолог, прошаренный в чтении чужой мимики и пристальных взглядов.

— Ни то ни другое, — увожу в сторону голову и широко улыбаюсь, имитируя заинтересованность и некую скрытность в неведомом для всех разговоре.

Парень как раз что-то говорит мне, подкалывает. Не слушаю, прикрывая глаза. Стараюсь расслабиться наперекор всем обстоятельствам и на зло главному зрителю. Отдаюсь лишь ощущениям, своим фантазиям, движениям, музыке.

Не хочу думать о том, кто прижимается ко мне сзади. Разум отторгает картинку, заменяя её более приятной для восприятия. Просто двигаюсь в такт, слушаю музыку и улыбаюсь.

А когда мелодия останавливается и приходится открыть

глаза — понимаю, что Громова больше нет в зале. Вернее, в моём фокусе взгляда. И от этого становится не по себе. Даже нервно кручу головой, пытаюсь отыскать знакомый профиль Вадима или подруги.

— Проводить до бара? — ухмыляется парень, убирая с меня свои руки.

Хмурюсь, наспех киваю, а потом отрицательно мотаю головой в разные стороны:

— Нет, спасибо, всё отлично.

Обнимаю себя по плечам. Кожа без чужого тепла вмиг покрывается слоем мурашек. Мокрая футболка липнет у груди. Джинсы тоже не дают нормального шага, а до бара приходится буквально пробираться через толпу. Проще было бы через столы и в обход, но я вообще не тот человек, кто ищет лёгких путей.

Достигаю нужной точки. Спорно осматриваюсь. На стуле моя рубашка, а Леськи и её вещей нет. Отошла в туалет или ещё куда резко приспичило? Я ведь даже без телефона... Правда, с достаточным количеством мелкой налички.

— Я бы хотела..., — начинаю несмело, пытаюсь сообразить, что спросить у бармена.

— Выпить? — скалится парень, осматривая меня сверху донизу. — Или полотенце? В дамской комнате есть специальные, скручены трубочкой у умывальника.

— Спасибо, а можно воды? И..., — нервно осматриваюсь по сторонам, ища Леську. — Вы не видели мою подругу?

— Да была где-то тут, — наливает стакан воды и протягивает розовую коробочку с фаллосом, что оставили ему на сохран. — Держи, невеста, не забудь забрать с собой. В семейной жизни ой-как может пригодится.

— Угу, — спорно киваю, не разводя губ, беру подарок в руку, вешаю на локоть рубашку, а сама гадаю, где искать подругу: в уборной или на улице?

Благодарю бармена за воду, быстро пью и решаюсь всё же выйти на воздух. Ведь куда-то из поля зрения пропал ещё и сам Громов.

Резко встаю с высокого стула, оборачиваюсь, начиная свой спешный шаг по продуманному маршруту и едва не сшибаю желающего подойти к бару. Руки разжимаются от неожиданности. Вниз летит подарочная коробка, рассыпая вокруг всё своё наполнение: какие-то мелкие конфетки, яркие пакетики с презервативами. Розовая игрушка и вовсе удаляется об пол, и отскакивает в неизвестном мне направлении.

Спорно кривлюсь, запоздало поднимая глаза, чтобы посмотреть кого благодарить в этом хаосе. Нервно ойкаю и едва не падаю на подкашивающихся ногах, в миг оказываясь припечатанной в крепкую грудь того, кто пахнет слишком знакомо и до одурения приятно.

Невольно обмякаю принимая должное поражение. Стыд прикрывает глаза. Прячусь за веками в попытке урезонить дыхание, а сама загадываю про себя, чтобы Вадим меня так и держал, долго-долго, не выпуская из своих объятий.

— Лера, — шепчет на ухо Громов, отодвигая с моего лица бутафорскую фату.

От него пахнет дорогого, крепко, а от меня просто разит каким-то дешёвым шампанским. Вся футболка мокрая, джинсы тоже. Прикасаясь к нему так и пропитываю кислым напитком чистую рубашку и дорогой красивый костюм. Вадим слегка разворачивает меня в пространстве возвращая баланс. Заставляет сделать упор и пару раз переступить по полу ватными ногами.

Создаётся ощущение, будто мы танцуем, а на деле, в руках Громова я просто становлюсь послушной марионеткой. Поднимаю ступни, шагаю, не думая. Выполняю то, что он ещё не озвучил.

За моей спиной теперь сцена, гогочущая толпа и стриптизёр в одних плавках. А перед глазами красивое мужское лицо и глаза, затягивающие, как омуты.

— Хорошие девочки так себя не ведут, — укоряет он едва заметным смешком.

— Я плохая, — выпаливаю ему куда резче, чем Леська. Бунтую. Открыто. Пожалуй, впервые в жизни.

— Нет, Тихоня, — качает головой и отпускает захват. Те-

атрально поправляет мою футболку по плечам, сродни жесту, когда с тебя вдруг «сдувают пылинки». — Ты просто порядком пьяна, — констатирует он и вздыхает. — Леська уже в такси. Собирайся. Поехали.

— А вы Вадим... Сергеевич? — отдаляюсь, чтобы иметь возможность лучше взглянуть в глаза. Оставляю на его рубашке видимые влажные следы от своей мокрой груди. Не смотрю ниже, точно зная, что и брюки тоже пропитались шампанским от моих влажных джинсов.

— Что я? — парирует мягко.

— Пьяны?

— Скорее всего, Лера, — вздыхает Громов и постно кивает. — Я вижу перед собой молодую красивую женщину, вместо подруги дочери.

— А я...

С огромным трудом выдерживаю изнурительную паузу и резко затыкаю ладошкой свой рот, продолжая мычать остаток вырвавшегося признания, по наитию в пальцы.

Стою. Ошарашенно смотря на отца подруги. Часто хлопаю глазами пытаюсь понять: что сейчас натворила? Понял? Услышал?

— Видимо, эта информация всё же не для моих ушей, — подтрунивает смешком Вадим, совершая краткий, но такой серьезный кивок в сторону выхода.

Спорно соглашаюсь. Испугано сглатываю. Убираю руку от

лица и фата мгновенно прячет глаза за спасительной вуалью.

Подхватываю с пола рубашку. Оставляю содержимое коробки разбросанным на полу. Поджимаю губы от мысли, что Громов мог увидеть прыгающего розового монстра.

Отец подруги ещё за что-то расплачивается с барменом, а потом строго берёт меня под руку и не говоря более ни одного слова — молчаливо выводит на воздух.

Занавес

Никогда мы не оказываемся столь беззащитными перед лицом страдания, чем когда любим, и никогда так безнадёжно несчастны, как когда теряем объект любви или его любовь© Зигмунд Фрейд

-Лера-

Его шаг — мои два. Его вдох — мой десяток ритмичных сердцебиений под кожей.

Чтобы вывести меня на улицу, Вадим не взял меня за руку, в привычном понимании этой формулировки. Он не скрестил со мной пальцы, не пропустил свою руку под локоть. Громов зафиксировал стальным захватом моё запястье, и теперь каждый скачок моего пульса, каждая эмоция и порыв — для него видны, как открытая книга. Смотри, чувствуй, читай, усиливай напор, перелистывай страницы...

— Я случайно..., — выпаливаю зачем-то, будто оправдываюсь. Часто перебираю ногами, грозя впечататься в его крепкую спину.

За моей как раз захлопнулась тяжёлая дверь, оставляю-

щая ритмичные басы в душном пространстве. Говорить стало проще, слышать — легче, дышать — глубже. И лёгкие тут же насытились ароматом, присущим лишь Громову. Отфильтровали за ненужностью лишнее. Словно ожили, открылись в полную мощь, закололи иголками от чрезмерного изнеможения.

Вадим останавливает шаг в полутьме коридора, среди мерцающих стрелок неона. Плавно, беззвучно разворачивается ко мне, будто являясь совсем невесомым, эфемерным фантомом, созданным моим, опьянённым воображением.

Слегка сжимает моё запястье в своей руке, заставляя ощутить, что происходящее между нами всё же реальность. Притягивает к своему лицу мою ладонь, будто собирается жадно втянуть запах носом или оставить отпечаток губ на ледяной коже.

Я аж приоткрываю рот в подобие изумления и смотрю на него во все глаза. Не моргаю, отслеживаю каждое мужское микродвижение.

С улицы тянет холодом, но рядом с отцом лучшей подруги даже в мокрой одежде мгновенно становится слишком жарко. Сердце долбит не в себя. Отдаётся вибрацией в его руку. Накаляет возле губ воздух. Они плавно шевелятся и поднимают дуновением мельчайшие волоски на моей коже.

Едва не стону, ощущая этот колоссальный поток такой

нужной энергии, что прёт от него, электризуя воздух. Моя внутренняя батарейка тут же пробивает свой максимум, а впитывает про запас больше собственных возможностей.

Ни к кому так не тянуло! Никогда! Чтобы до искр перед глазами. Чтобы от единого прикосновения феерически бомбило и затягивало в желанную пропасть. Он для меня — чёрная дыра. Громов — бескрайний космос!

— Что произошло случайно, Лерочка? — уточняет Вадим медленно отяжелевшим, грудным голосом. — Твоё возвращение в этот город или твой волнующий взгляд со сцены в зрительный зал?

— «Я случайно... Влюбилась...» — хочу сказать, да не осиливаю. Лишь пульс под кожей грохочет ещё активнее, озвучивая Вадиму все скрытые мысли азбукой Морзе.

— Я хотела..., — шумно втягиваю воздух, ощущая его горячие губы в галантном прикосновении к тылу моей ладони. Гулко опустошаю лёгкие с каким-то животным, молящим звуком. Продолжая без слов то, что никак не способно облачиться правильно в мысли.

— Знаешь, Лера, — начинает он тихим смешком. — Существует такая особенность человеческого восприятия: мы не ощущаем возраст, а считываем его из своего окружения; берём информацию из отблеска глаз, смотрящих на нас.

Я шумно сглатываю и выпускаю клубок тяжёлого воздуха из приоткрытых губ, а он продолжает. Также волнующе и пленительно. Не отдаляясь, но и не привлекая ближе.

— Я ощущаю себя мальчишкой рядом с тобой, и этот внутренний сбой выбивает из-под ног почву... К чему тебе это замужество, Тихоня? — выдыхает, царапая душу грустью вложенной в сильный голос.

Касается губами моей руки, а свободной стягивает с головы бутафорскую фату. И непонятно, какой жест, из двух, отдаётся в моём сердце более болезненным, но чтобы затмить эти ощущения, я самолично подныриваю под его губы. Становлюсь на носочки и впечатываюсь своими в уголок приоткрытого рта.

— Леська ждёт, — глушит Громов рационализмом мой безрассудный порыв. — Ты и не вспомнишь этот вечер с утра, а вот я не забуду.

Пружиню на пятках ещё раз, в виде ответа. Влажные губы влетают в его. Оставляют ощутимый смазанный след.

— Что же ты творишь, девочка? — добивает он риторическим. Крепче сжимает мою руку, искривляя гримасой боли подобие моей победоносной улыбки. Рывком фиксирует левую пятерню под мой затылок.

Вместо страха упираюсь в неё и смотрю в глаза, цвет которых не вижу во тьме коридора.

Почти не дышу. Так и стою, вытягиваюсь струной на дрожащих носочках. Виски́ испаривает небывалой пульсацией. До спазма. До боли. До ощущения, что только один Громов способен умерить и замедлить бешеный ритм взбунтовавшего сердца.

— Вади-им..., — цежу сбито, в подобие просьбы, а он, не дослушав, судорожно размыкает мои губы своим языком.

Действует рьяно, хотя я и неставляю заслонок в виде сопротивления. Буквально врывается вглубь, пропуская прелюдию, как пустую трату свободного времени. И я тону...

Тону так глубоко и неизбежно под этой волной из мощнейших эмоций; под этой нехваткой воздуха и ощущением собственного бессилия, никчёмности перед судьбоносной стихией...

Громов всё ещё держит в захвате мою правую руку, будто опасается, что я могу залепить ею пощёчину. В противовес этому ожиданию по наитию обнимаю его шершавую щёку левой ладонью и поглаживаю большим пальцем в такт движениям языка, что выписывает в моём рту свои неведомые узоры.

Голову кружит. Тело льнёт, как пластилин, идеально подстраивается под рельеф и огибает чужие изгибы. Грудь горит. Колет иголками изнутри и снаружи. Низ живота изнывает какой-то пронзительной тянущей болью.

Весь организм будто слетает с катушек, путает настрой-

ки, теряет синхрон с обыденными командами. Не живёт без него своей слаженной жизнью. Нуждается в чужом вторжении и персональной подстройке. Тянется... Всеми фибрами души, импульсами, токами, мурашками, жестами, звуками, мыслями — всем чем, возможно, к одному... Нет. К такому единственному.

— Воу-воу-оу! — выдаёт пьяно чей-то противный голос, и я досадно мучу, от ощущения, что Вадим отстраняется, выходя языком из моего рта. Опускает запястье вниз, освобождая руку у корпуса тела. Лишает затылок опоры, заставляя со шлепком переместить вес тела на пятки.

Смотрю на него. Часто моргаю. Едва не плачу от обиды, как ребёнок, которому только что показали конфетку и тут же её отобрали.

Гоняю языком его вкус во рту и дую губы только сильнее, от ощущения, что не успела его толком распробовать.

— Прошу меня извинить..., — истерично смеётся какой-то парень, протискиваясь мимо нас по стеночке. Едва не падает, спотыкаясь на ровном месте, но ощутимо целенаправленно движется к выходу.

— Прошу и меня извинить, — выпаливает Громов на выдохе неадекватным смешком. — Занесло, Лер...

Мотаю головой не в силах опротестовать. Что тут ска-

жешь? «Всё нормально», «Бывает», «Да не парься, я сама этого хотела»?

Бли-иин...

— Пошли, — кивает, не прикасаясь ко мне больше и пальцем. — Такси ждёт.

Иду. А под ногами будто пылающие угли или вонзающиеся в ноги осколки стекла. Была жива только что, чрезмерно дышала, глотала эмоции и как-то в одночасье затухла, угасла...

Мужская фигура впереди приоткрывает занавес отделяющий улицу и коридор, а ощущается так, будто Громов в этот момент отделяется от меня кирпичной стеной. Любимое лицо становится маской. Серьёзной, в чём-то циничной, надменной.

Такси стоит прямо напротив входа. Леська на заднем. Уже свернулась комочком и спит.

Вадим занимает место рядом с водителем. Я — с подругой. Укладываю её голову себе на колени и молча отворачиваюсь к окну. Поглаживаю Леську по мокрым волосам.

Адрес назван. Машина трогается. Дома. Фонари. Пустой широкий проспект.

Перевожу взгляд в зеркало заднего вида и упираюсь своим в серьёзные и тёмные мужские глаза.

«Всё окей» — нахально, без слов, уверяю его одним же-

СТОМ И ВНОВЬ ОТВОРАЧИВАЮСЬ.

Глава 2. Никого сюда не впущу!

Пожалуй, у ребёнка нет потребности сильнее, чем потребность в отцовской защите© Зигмунд Фрейд

-Лера-

Пустой дом. Тёмные окна. И лишь парковку освещает софит, закреплённый над входом.

Тормошу Леську, перед тем, как её отец распахнет дверь и поможет выйти на улицу. Водитель всю дорогу молчит, но наблюдает за всем происходящим в салоне вполне осуждающе. Не объяснять же ему банальности: подруга вечно сидит на диетах, дотошно отслеживая каждый миллиметр своей осиной талии, а алкоголь на голодный желудок действует молниеносно и угнетающе!

Зря мне не пришло это в голову раньше... А то что касемо обиженного взгляда на Вадима, сквозь зеркало — это вообще никого кроме нас двоих не касается!

— У-umm, — мычит недовольно подруга, кривится, но разлепляет глаза.

— В душ и спать, — строго командует Громов, выходя на улицу.

Распахивает дверь со стороны дочери. Помогает ей выйти. Протягивает ко мне свою крепкую руку.

Касаюсь его кожи и вздрагиваю, моментально сбивая дыхание. Он замечает, но не изменяет своей каменной маски. Смотрит на меня без особого интереса, как и подобает отцу подруги, а не мужчине, что целовал меня совсем недолгое время назад и упивался моментом собственной силы.

Медлю, держа ладонь в его теплой руке. Смотрю в глаза, гадая над ответом: что творится сейчас в его мыслях? Мне бы так хотелось приоткрыть для себя хотя бы краешек этой плотной завесы! Проникнуть в его разум. Забыться...

— Лер, шевелись уже, а? — бесцеремонно выкрикивает от двери Олеся Вадимовна, и как нарочно, не позволяет мне остаться и на минуту наедине с собственным отцом. — Тихая, я сейчас либо обоссусь прямо здесь, либо сдохну от холода! Вон, разом аж протрезвела! Давай бего-оом, — ноет, стоя у закрытой двери.

Крепче сжимаю пальцы Вадима и вылезаю из тёплого салона в ночную прохладу. Его захват сразу слабеет. Ладонь разжимается под требовательным взглядом дочери.

Обнимаю себя по плечам и наблюдаю за тем, как мужчина в дорогом пиджаке и брюках, идеально очерчивающих крепкую спортивную фигуру, огибает меня быстрым шагом и ловко справляется с серьёзным замком, распахивая перед

нами дверь в дом.

— Спасибо, — тихо благодарю, поравнявшись плечами. Громов лишь постно кивает и опускает взгляд, взмахивая рукой в виде приглашения.

Переступаю порог, наблюдая, как Леська на бегу сбрасывает кеды и улепётывает в уборную. Не нагибаюсь, прижимая пятку носком. Освобождают ноги от кед из достаточно скромной позы.

Не выпячиваю зад на обозрение Вадима, не желаю, чтобы он решил, что я спьяну его соблазняю. Думает, что ничего не вспомню с утра? Ага, как же...

Я всю сознательную ждала этого поцелуя, а мне его обломали.

Оборачиваюсь, ощущая спиной его взгляд и присутствие. Громов смотрит на меня во все глаза. Не моргает. Хмурит лоб, будто споря с самим собой о принятии или отрицании того или иного факта. А я ловлю каждый отголосок его мельчайших эмоций: замечаю напряжение мышц, перекаты и вздрагивание кадыка, пульсирующие венки на шее...

Щёки заливают жаром от ассоциативной картинки, что всплывает перед глазами: тот самый прыгучий розовый монстр, выполненный столь реалистично, будто ваяли с чего-то оттиска в виде лекала... Машинально дёргаю взгляд вниз, упираясь в мужскую ширинку, и ловлю себя на самой

пошлой мысли, которая только способна прийти в больную голову: а какой по размеру у Громова? Явно же больше среднего...

Чё-оорт! Отворачиваюсь резче, чем требуется, и понимаю, что он считал мой посыл, а не просто заметил скольжение взгляда. Поджимаю губы и машинально пячусь назад, слыша позади щелчок замка и шаги подруги.

— Лерка! — рывкает его дочь от одной из идентичных дверей. Ловит меня в фокус, подходит, устало вздыхая. — Пошли в душ и спать, а? Ляжешь сегодня со мной? Поболтаем, как в детстве. Нарассказываем друг другу страшилок, обнимемся и уснём.

— Угу, — тихо киваю, ощущая её захват на своём запястье. С опаской поглядываю на Вадима. Ищу в его тёмных глазах разрешение остаться. В них чистый лист. Или чёрное полотно. Рядом с дочерью он становится вообще не читабелен. Только мне или...?

— Пап! — пресекает Леська наши гляделки. — Да не сожрёт он тебя, не бойсь, Тихая, — фыркает подруга и тянет меня к лестнице. Отлепляет мои ноги от пола, отдирает взгляд от своего отца. И, кажется, я чувствую в воздухе вибрацию его облегчённого выдоха, бьющего в мою спину.

«А лучше бы сожрал...» — усмехаюсь самой себе мысленно. Я была бы не против. Даже да, если бы меня спросили...

— Здесь ванная, раковина и туалет, — напоминает подруга обозначение ещё одних идентичных дверей напротив трёх спален. — Здесь то же самое, только большая душевая кабина со всеми прибабасами разом. Пойдём вместе, чё время терять? Места нам хватит.

— А...? — сама не понимаю, что пытаюсь озвучить.

— В родительской спальне большая джакузи. В этом доме в очередь становиться нет смысла, — уже практически трезво парирует Леся.

— Ты надеешься, что они сойдутся? — уточняю с опаской, улавливая её смысловую нагрузку. Она сказала «родительская спальня» вместо «комната отца». Она до сих пор не разделила эти понятия, хотя прошло более полугода после развода.

За нужной дверью скрывается широкая комната, отделанная мелкой узорной мозаикой в тонах песчаного берега и закатного солнца.

У стены кристально белый фаянсовый гарнитур и умное зеркало с горящей подсветкой. По прямой — тонированная душевая кабина, в которой с нашими параметрами можно уместиться и троём.

— Мама любит всякие спа-штуки, — постно комментирует подруга, упирая взгляд в огромного монстра. — Там и пар, и разные виды струй, ледяной душ и ароматерапия. А

ещё полная звукоизоляция. С Мишкой проверила, — хвастается, смеясь, а я вновь краснею, вспоминая, с кем нынче соседствую. — Нет, мои родители не сойдутся, Лер, — убивает она веселье из голоса, добавляя со злостью: — Но и какую-то еб*нашку, Тихая, я сюда не пущу! Так и знай! Пусть отец трахается где угодно, но не здесь, где каждая деталь напоминает о моей семье и о маме!

Я аж губы жую изнутри и стою, не моргая после этого гневного выпада.

Леська молча раздевается, откидывая одежду в корзину с особым осточертением, будто она виновата в разрыве родителей. Морщусь и стягиваю с себя всё до белья. Вдыхаю и утилизирую его тоже.

— Он не так просто развёлся, понимаешь? У него кто-то был уже, — шмыгает она носом, подставляя под струи тёплой воды своё скорченное лицо.

Они обливают нас сверху и мягко массируют по бокам, но Леську это совершенно не расслабляет. Она вся как струна, хотя и делится со мной по-дружески одной из ярких губок, да торкает носом в подвесной дозатор с ягодным гелем.

— Я на отца очень зла из-за этого и поклялась маме уничтожить любую, кто переступит порог этого дома в роли новой любимой! — заключает подруга серьёзно.

— Люди порой расходятся, Лесён, — хмурюсь, но стара-

юсь говорить мягко. — У тебя родители ещё молодые. Они вполне себе могут завести новые семьи и найти своё счастье.

— Во мне счастья выше крыши, — парирует она, резко, растягивая губы в самой язвительной из своих улыбок. — Надо ему кого-то любить? Пусть меня балует и дожидается внуков!

— Чего, жалко его стало, да, Тихая? — усмехается подружка на моё кислое выражение. — И в кого ты такая сердобольная-то? Вот Тёма с тобой по жизни намучается!

— Давай не будем, — пресекаю дальнейший разговор, активно избавляясь от запаха кислоты и шампанского.

— А давай домоемся и сходим на кухню пожрём, а? — весело смеётся дочь хозяина дома.

— А как же закон не есть после шести?

— Так, до шести утра ещё далеко, — глушит своим чистым смехом, что отдаётся эхом о стены, но не выходит за пределы душевой кабины. — У нас сегодня праздник — твой приезд! — заявляет она ещё громче. — Можем не спать до утра, и никто нам слова не скажет!

Киваю и спорно улыбаюсь, а Олеська опять быстро заметно сникает, заключая грустным смешком:

— Ну вот, явные плюсы развода родителей — это полная свобода любых аморальных действий. Мама бы давно выгнала нас с тобой спать, да и в такие клубы я бы при ней ходить не рискнула, а вот назло отцу...

— Он тебя любит, — пытаюсь сгладить, пожимая плечами.

— Я его тоже. Поэтому и веду себя так, — заявляет Олеся Вадимовна, врубая двойную воду. — Он просто не ценит!

Опускает голову, смывая пенные волосы, а я смотрю на неё и не понимаю: и что с этим со всем мне теперь делать...?

Вживую

Иногда сигара — это просто сигара © Зигмунд Фрейд

-Лера-

Шесть утра. Привычно просыпаюсь по внутреннему будильнику и недовольно оглядываюсь по сторонам в попытках найти свои вещи. Леська спит, занимая две трети широкой постели. Рядом на полу две кучки из пушистых белых халатов.

Мы вышли из душевой, накинув их на голое тело, но я не рискнула спускаться без белья вниз. Зашла в «свою» спальню, натянув на грудь первый попавшийся яркий спортивный топ и чёрные трусы-слипы.

Зря изгалялась, как оказалось. Хозяина дома на кухне мы не застали, но свет в его кабинете я видела. Полоску под закрытой дверью, куда тут же захотелось войти!

Подсознание, как плейлист порногифок, моментально накидало с десятков идей для продолжения этого вечера: от широкого дубового стола или объёмного кожаного мягкого кресла, до подоконника или небольшой крепкой кушетки... За доли секунды я даже сформировала свой личный топ-чарт. Однако трудность для его исполнения состояла в ба-

нальности: я всегда любила Леську, не меньше, чем хозяина дома. И старалась по жизни никого не напрягать, но... Порой выбор между своими желаниями и моралью выглядит слишком паскудным, правда? Первое так и норовит перевесить.

Об убранстве кабинета Вадима Сергеевича я знаю всё, не хуже, чем другие обитатели этого дома, включая приходящую прислугу. В былые времена мы с подругой часто играли в прятки на территории всего первого этажа, и от личного пространства Громова всегда веяло особой силой и мощью. Властью... Которую я все эти годы, в исполнении Вадима, так и мечтала ощутить на себе.

Тёма так не умеет... Когда бросает в дрожь от отсутствия прикосновений. Взгляды названного жениха хоть и полны скрытого желания, заинтересованности во мне, но они мягки и поверхностны. Они не требуют подчинения, а лишь намекают на его обожание.

В противовес этому хмурый взгляд Громова пронизывает иголками и убеждает самолично встать на колени. Пробирает до мурашек, что стыдливо разбегаются по коже в разные стороны. Заставляет дрожать пальцы, желающие уже скорее начать неумело возиться с его ремнём, который, в случае неподчинения, способен идеально припечатать мою оголённую ягодицу...

Уф-фф. От одной мысли о Громе бросает в жар, прогоняя вместо крови чистый кипяток под кожей. А стоит мне

его коснуться? Когда один на один. Кожа к коже...

За подобными фантазиями я растеряла весь аппетит, зато заметно увеличила во рту слюноотделение. Сидела за барной стойкой и упиралась взглядом в тяжёлую дверь, монотонно отказываясь от всех щедрых предложений подруги, торчащей пятой точкой из холодильника.

Горячительных напитков больше не хотелось тоже. Ничего из них уже просто не лезло в глотку. Но согласиться на что-то надо было. Чисто ради компании. Я ограничила свой выбор на одной порции ванильного мороженого, политого топпингом из солёной карамели. Предположила, что оно способно хоть чуть притушить тот пожар, что устроил во мне Леськин папочка...

А потом вспомнила её феерическую фразу, про то, что первый минет на вкус как нечто молочно-сладко-горько-соленое и тягучее разом.

Посмотрела на своё мороженое. Перевела взгляд на дверь Громова и отставила креманку в сторону. Нафиг надо на ночь таких ассоциаций!

Спать мы легли достаточно поздно, но и этот факт не спас меня от неминуемой участи, в виде раннего подъёма. Мозг привык просыпаться в определённое время. И плевать ему, что за окном: солнце, дождь или привычная питерская дымка?

Я приучила своё тело двигаться ради того, чтобы после получить свою порцию крепкого кофе. Моё утро в Питере, да и здесь прежде тоже, слишком давно начинается с ежедневной пробежки.

В Северной я передвигаюсь вдоль набережной, лишь меня кроссовки в зависимости от погоды. Здесь рядом чудесный парк, и разум просто просит бежать...

Или я всё же путаю его послания с вопящей интуицией при виде Вадима? Вот только о чём она на деле сигналиит: держаться подальше или приблизиться?

С такими мыслями уснуть уже не представлялось возможным, следовательно, мне надо было, как минимум, отыскать в своём чемодане толстовку и шорты. Как максимум — ещё и телефон с наушниками, чтобы выйти на пробежку в парк, рядом с домом, и тем самым уничтожить остаток алкоголя в крови, наряду с оставшимся(вечно растущим и напрягающим) состоянием возбуждения.

Из постели я выбиралась тише тихого, чтобы не разбудить капризную хозяйку, совсем не привыкшую подниматься в такую рань. А чтобы дойти до своей двери,(так и желая спутать её с идентичной и следующей), мне понадобилась и во-все вся моя хрупкая сила воли, собранная в ледяной дрожащий кулак!

Трусы и топ — так себе наряд для подобных высоконрав-

ственных перебежек. Открой Вадим дверь и встреть меня на пороге в подобном виде... Одному чёрту известно, какой бы искрой закончилась подобная встреча!

Наушники, быстрый хвост, толстовка, топ, шорты, кеды. Минимум пять кругов бега для успокоения пульса и стабилизации нервов.

Пот уже течёт по вискам, а в них продолжают биться мысли, связанные с Вадимом. Физическая нагрузка не утоляет моральный голод. Да и не притупляет желания, что так и рвутся наружу! Я бегу, а перед глазами вижу далеко не асфальт. Это бесит, напрягает, изводит куда сильнее, чем перед пробежкой.

Возвращаюсь, стараясь не шуметь. В этом посёлке нет калиток между и высоких заборов, а входная дверь и вовсе не закрывается, если хозяева дома.

Вместо кухни и кофе, первым делом поднимаюсь на второй этаж. Быстро осматриваю все три одинаковых двери. Закрыто.

На автомате сворачиваю в душ и дёргаю деревянное полотно на себя. В ушах ещё долбят басы. Звучит голос Чеса. Мысленно подпеваю, одновременно хмурюсь и дёргаю вновь. Ручка поддаётся, замок открывается.

Прохожу, на ходу скидывая в корзину одежду. И лишь отмечаю где-то в подкорке:

— «Надо не забыть сказать Леське, что замок заедает».

Кофта, топ, шорты. Телефон на раковине.

На мне из одежды в остатке одни трусы и резинка. В ушах водонепроницаемые наушники. Рывком отрываю створку душа и едва не задыхаюсь от влажного пара, что бьёт потоком в лицо.

Цепляю ухо, вырубая музыку. В итоге куда-то роняю один из наушников. Пугаюсь, быстро захлопывая глаза, а открываю их вновь и того резче, слыша гортанный рык, в который Громов вписывает моё имя, быстро орудуя кулаком по стоячему члену.

— Ау-уф-фф, — отшатываюсь назад, разом забывая про все картинки, что осаждали ранее больную голову. Шевелю губами, как рыба на суше, а взгляд ходит вверх-вниз по отцу подруги, что стоит передо мной в профиль, не убирая напора воды.

Брызги от его тела летят мне на лицо, шею и грудь. Капли смешиваются в водопад и бурлящим потоком разрезают его рельеф, плечи, руки, грудину. Утягивают мой взгляд вниз к большому, эрегированному, с налитой головкой...

«Фаааа-ааак...» — и розовый монстр, что прыгал в клубе

в подмётки не годится тому, что выдержит на себе два широких мужских кулака, не способных скрыть всю длину. Да ещё после станет из-под них игриво выглядывать!

— Ле-ее-ра, уйди! — рывкает Вадим, цепляя меня помутневшим взглядом. Его глаза заволочены непроглядной тьмой. Она настолько явная и густая, что, кажется, я вижу своё отражение, обнажённое перед ним по пояс.

Киваю, но двигательные рефлексы потеряли связь с мозгом. Смотрю, не моргая, как Вадим лишь ускоряет движения, вместо окрика на меня, захлопывания двери или попросту их прекращения! Слежу, как дотошный критик в театре, ожидающий финального апогея. Зарисовываю на подложку штрихами каждую вздутую венку, толщину, мощь, налитость мужского достоинства.

Он не гонит меня больше. Громов стискивает зубы плотнее и ощутимо смотрит в мои глаза. А я глубоко вдыхаю чужие эмоции, жажду и наслаждение, когда поверх кулака и тяжёлых пальцев выстреливает светлая струя.

Мужская рука не заканчивает движение и будто выжимает из члена все соки, покрывая головку остатком семени, что теперь стекает вниз, густыми, тягучими каплями. И взгляд Громова становится куда больше насыщенным. Прожигает меня насквозь. Считывает всё, о чём даже ещё не подумала.

И будто вбивает в голову: «Хочешь смотреть — смотри и учись. Вдруг пригодится».

— Я... Случайно..., — нервно смеюсь, отступая. Хватаю полотенце, запоздало прижимая его к груди и непонятно, каким чуждым образом, оказываюсь в коридоре, а после и вовсе за соседней дверью. Гулко захлопываю на ней замок изнутри, вместо того, чтобы податься вперёд и перешагнуть порог той самой душевой кабины, которую так хвалила за звукоизоляцию Леська.

— Вот же ду-ура-ааа, — канючу, не слыша собственного голоса за бешеной долбёжкой сердца. Трясущимися пальцами проверяю замок. Скидываю полотенце на раковину и залезаю в ванну, дёргая плотную шторку.

Врубаю ледяной душ, кое-как стягивая с себя мокрые трусы. Дрожу, как припадочная, и смеюсь, прикрывая рот распахнутой пятернёй.

— Аа-ахре-ене-еть..., — выплёвываю кусками, дополняя про себя мысленно: «Поздравляю, Лера! Член вживую увидела! Разве что в руках так и не подержала! Леська не оценит, если узнает... Она бы...»

— Ааа-rrr, — стараюсь выкрикнуть из себя все эмоции как можно тише, а всё равно выходит достаточно громко.

Вадим, если вышел, то непременно услышит. Остаётся надеяться, что его дочь ещё спит или и вовсе, не придаст значение этой истерике.

Игра навывлет

К несчастью, подавленные эмоции не умирают. Их заставили замолчать. И они изнутри продолжают влиять на человека © Зигмунд Фрейд

-Лера-

Захожу в комнату, наблюдая свой телефон и наушник, лежащими на тумбочке, возле кровати. Крепче запахиваю белый халат на груди и быстро оглядываюсь.

Никого. Если отместить варианты, что Громов станет прятаться в шкафу или залезет под выданную мне кровать? Шторы распахнуты, балкон в этой спальне отсутствует, а мест, где ещё можно было бы затихариться здесь нет вовсе.

Раньше эта комната была игровой. Возможно, в семействе и планировалось пополнение, но после определённого момента взросления единственной наследницы — помещение преобразилось в ещё одну спальню и стала считаться гостевой.

Леська часто собирала друзей на ночёвки, да и вообще в этом доме раньше было много гостей, а потом... Говорят, каждый брак переживает свои кризисы. Видимо, из одного или нескольких из них родители подруги всё же не выбра-

лись. И мне бы сказать, что это на руку, да? Но на деле было не так уж и весело от новости о грядущем разводе Громова. Пришлось переживать эту новость наравне с его дочерью. Слушать. Успокаивать. Плакать. И стыдиться того, что внутри всё же зреет какая-то чернота в виде злорадства.

Я так долго мечтала о том, будто Вадим однажды станет моим, что его жена стала ощущаться неистребимым врагом! Мне приходилось улыбаться ей в глаза и делать вид, что я всё так же, как в детстве, очарована её красотой и обаянием... Мама Леськи, ведь, действительно очень привлекательная женщина и даже сейчас... Но, что-то мне подсказывает, будто и она уже видела во мне конкурентку. Как и во всех подругах или знакомых дочери. Гостей в доме вдруг стало меньше, ночёвки сошли на нет. Улыбки стали натянутыми...

Народная мудрость гласит истину: жена не стена — подвинется.

Именно так и произошло в моём случае, вот только я почему-то не спешу этим воспользоваться...

Беру телефон в руки. На экране призывно красуется надпись: «Доброе утро, любимая».

И подпись контакта, наряду с привлекательной аватаркой. Я сама фоткала на неё Тёму. Снизу вверх в виде портрета. Запечатлела его волевой подбородок и серьёзное лицо на фоне чистого неба. После он, конечно, смеялся, что вышел слишком уж взрослым, но по мне так кадр выхватил его

настоящего. Не мальчишку уже, а вполне привлекательного молодого мужчину.

Наверное, поэтому я и ответила ему «да»...

Когда Тёмыч предлагал выйти за него, то был серьёзен, как Громов, а я не привыкла разбрасываться подобие его предложений. Взяла, да и согласилась.

— Чёрт, угораздило же..., — канючу, отмечая взглядом время под сообщением. Вадим наверняка прочитал. Оно отобразилось в полном виде на спящем экране. В снятие блокировки даже не было смысла.

И теперь он думает...

Ага, конечно!

После той сцены в душе, он, конечно же, думает о дурацком сообщении, а не о том, что я видела, как он дрожил и кончил; или о моей стоящей груди; или о том, насколько были мокрыми мои трусики, когда я впопыхах от него свалила! Нет, конечно, он сейчас думает о Тёме и о том, насколько тот меня любит!

Нервно вытаскиваю на постель содержимое своего чемодана. Выбираю самый провокационный наряд и без промедления его надеваю.

Крашу ресницы тушью. Подвожу стрелку. Добавляю каплю прозрачного блеска, буквально на центр нижней губы. Слегка елжу между собой ртом, а подсознание так и крутит

зациклившийся в голове кадр: мокрый торс Вадима, крепкие напряжённые мышцы, вздутая мошонка и налитая, алая головка... Спусковой крючок в виде взгляда: глаза в глаза. Выстрел. Прямо в цель. Растекающееся пятно по влажному кафелю...

— Уууу-уффф, — выдыхаю гулко и дёргаю на себя дверь. Десяток секунд и я уже оказываюсь на пороге кухни, с изумлением натываясь на всё семейство: Громова во главе стола, с чашкой дымящегося кофе и Леську, зависшую, в ответном взгляде, с пустой ложкой, над чашкой хлопьев, тонущих в молоке.

— Уоо-оу! Пап! Да ты посмотри на неё! — то ли смеётся, то ли нервно похрюкивает сонная подруга. — Белые гольфики, юбочка в складку, короткий топ, подвязанная рубашка... Ты кого соблазнять собралась, Лерка?

Тихо здороваюсь, зажимая в руке телефон. Закатываю глаза, на её призывную улыбку.

— Мне просто надо документы подать на экзамен. Я подумала, что..., — перехватываю взгляд Вадима, который тоже явно о чём-то подумал. Щёки вмиг заливаются румянцем, и хочется натянуть юбку ниже к коленям, да только для этого придётся согнуться и оголить пред ним грудь. Снова...

Взгляд, что сопровождает его мозговой штурм, можно сравнить только с одной формулировкой, и звучит она бес-

прекословно: «В этом ты из дома не выйдешь. Точка».

Слегка приподнимаю вверх уголки губ и безмолвно уверяю: «Посмотрим».

— Да если ты в таком виде заявишься в приёмную, тебе внутренний экзамен, как минимум автоматом проставят! — глухо смеётся Леська, едва не давясь новой порцией хлопьев. Вскидывает бровь, ища поддержки во взгляде отца. — Да, пап? Ты бы вообще узнал Лерку в таком виде, после привычных безразмерных толстовок и широких джинсов? Изменил Тихую Питер!

— Да, — скупое заключение Вадим, поверх чашки. Отпивает глоток, бросая взгляд на часы. — Тебя подвести?

— Было бы..., — запинаясь, переводя взгляд на подругу.

— Предложи ей лучше погонять в обед? — перебивает Леська, ещё больше напрягая отца. — У тебя же есть несколько тачек на объекте с механикой. Там и ментов нет, да и народ в это время по своим вагончикам пожрать разбредается.

— Леся, там большая стройка. Это опасно, — пытается убедить настырную Громов, но его дочь, как всегда, непреклонна.

— Каску ей выдай! Под юбку и гольфы зачётно будет!

— Поехали, разберёмся, — заявляет он мне, отмахиваясь от правозащитницы. Даже оставляет на столе свою чашку едва лишь отпитой.

— А кофе? — робко вставляю я.

— По пути купим, — заключает Громов неоспоримо. — Заодно довезёшь меня до выезда.

— Без прав не возвращайся! — прыскает со смеха подруга. Провожая нас взглядом к выходу. — Ладно, шучу. Пап, выдай ей ключ! У меня три пары и семинар перед сдачей!

Громов молча накидывает на плечи пиджак, поправляет воротничок рубашки, не сводя взгляда с того, как я опускаюсь перед ним ниже, считай встаю на колено, откладывая на пол телефон, чтобы зашнуровать свои кеды.

Поднимаю глаза вверх, оказываясь макушкой на уровне мужского достоинства. Оно уже выпирает или мне это кажется?

Машинально облизываю губы, цепляя языком сладкий блеск. Руки действуют на автомате, затягивают шнурки, вяжут бантик, а глаза тянутся выше по чужому рельефу и опять тонут в его чёртовых омуты, замечая, как яростно пульсируют большие зрачки и ещё активнее увеличиваются в размере.

Меняю ногу, взмахивая в воздухе складками юбки. Громов тяжело сглатывает, дёргая кадыком. Улыбаюсь и отвожу в сторону взгляд, слыша произнесённое им, едва различимое предостережение:

— Не играй со мной, девочка.

Беру в руку телефон, поднимаюсь, делая вид, что ничего не слышала. Прячу от чужого взгляда грудь, что была видна сверху, как на ладони.

— Ключ, — напоминает Вадим, кивая в сторону тумбочки.

Протягиваю левую руку, чтобы коснуться металла, но его ладонь слегка накрывает сверху мою. Вздрагиваю и тут же сжимаю кулак вокруг ключа, что упирается зарубками в мышцы и цапаает кожу.

Корпус его тела наклоняется так, что губы едва не врезаются в мою ушную раковину. Аж глаза прикрываю и сама подаюсь ближе, чтобы он сумел прошептать уже более чётко и внятно:

— Лера, сходи переоденься. Иначе...

— Захотелось меня раздеть? — нервно смеюсь, закусываю губы в игривой ухмылке, что так и тянет в стороны губы. Нарываюсь. Ощутимо. Но ничего не могу с этим поделать. Ни с кем так не хотелось сыграть. Навылет.

— Хуже, — кратко заключает Громов. — Гораздо хуже, Тихоня...

— Поехали? — отшатываюсь, нехотя уводя свою руку из-под его пальцев. Разворачиваюсь. — Вы обещали мне кофе. А я...

— Сама не понимаешь к чему ведёшь, — тяжело выдыхает Вадим, слегка похлопывая меня ладонью по заднице, чтобы не стояла, как вкопанная, а начала шаг.

Дыхание тут же сбивается от этой двусмысленности и хочется...

— Иди, — чётко командует Громов, пресекая все мои мысли. — Поговорим в машине.

— Пока-пока! — орёт нам вслед Леська. Я лишь киваю пространственно, так как мою голову вновь занимает трансляция порногифок с локацией в салоне широкого автомобиля.

Бунт

В основе всех наших поступков лежат два мотива: желание стать великим и сексуальное влечение© Зигмунд Фрейд

-Лера-

— За руль? — уточняю кратко на улице. Громов скуповато кивает, оборачивается к дому, будто проверяя, что за ним никто не следит, после отмыкает автомобиль с брелока. Галантно распахивает передо мной водительскую дверь, позволяя усесться.

Кратко благодарю, пряча глаза от его ширилки, что вновь, оказывается, в самом фокусе избранного обзора. Демонстративно разглаживаю складки на сведённых коленях, пока он закрывает дверь. Ставлю ногу на педаль и пробую выжимать тормоз, пока он обходит внедорожник, с видом телохранителя, бесконечно сканирующего периметр на предмет вражеских вторжений.

Тихо смеюсь и откровенно любуюсь им, аж прикусывая нижнюю губу. Очерчиваю взглядом напряжённые скулы, левой подбородок, крепкую шею. Лёгкий загар на его коже приятно контрастирует с воротом белоснежной рубашки. Меня так и подмывает в желании подобраться ближе,

расстегнуть её и позволить Вадиму дышать полной грудью, ослабив на его шее галстук-удавку.

Стёкла в автомобиле тонированные. Никто не заметит того, с какой дотошностью я отслеживаю каждый миллиметр передвижения хозяина дома. И как крепко сжимаю колени, ощущая дрожь во всём теле от его приближения.

В салоне пахнет мужским ароматом, и этот запах только усиливает мой внутренний трепет и возрастающее желание. Облизываю губы, снимая с них последний слой сладкого блеска. И моментально высушиваю на них след от слюны потоком рваного, горячего дыхания.

Движения Вадима сглажены и отточены, но я ощущаю, насколько он напряжён и с каким усердием держит себя в рамках дозволенного. Скрывает истинные эмоции и порывы, от дочери, что может наблюдать за нашим отъездом.

— Заводи, Лера. Поехали, — командует мне, присаживаясь рядом. Протягивает ключ, а у меня и шевельнуться-то не выходит. Аж приоткрываю рот от того, как захлёбываюсь концентрацией чужого присутствия в душном салоне, прогретого автомобиля. Ладони разом потеют. Дыхание становится громче и чаще.

— Лера-аа, — недовольно качает головой Громов.

Вставляет ключ в отсек с таким рвением, что я едва не стону от колыхания воздуха рядом с моей оголённой колен-

кой. Громов проворачивает ключ и отпускает, слегка касаясь пальцами моей кожи, уже покрытой видимым слоем мурашек.

— Поехали. Пожалуйста. До выезда из посёлка, далее направо. Свернёшь через сто метров на небольшой съезд. Остановишься там и объяснишь мне без скрытых намёков, чего ты добиваешься на деле своим поведением.

— Будете меня ругать? — уточняю тихо, выпуская сквозь губы нервный смешок. Не рискую переходить с ним в разговор на «ты», хотя... Помани Вадим пальчиком, я не раздумывая переберусь прямо сейчас к нему на колени.

— Буду, если понадобится, — заявляет посредственно. — То, что ты видела утром и...

— И наш поцелуй вчера..., — роняю на выдохе, крепко сжимая пальцами правой руки рычаг коробки передач. Выставляю его в положение движения, плавно отпускаю тормоз. Автомобиль подаётся вперёд.

Резко дёргаю руку к рулю, невольно задирая локтем свою юбку по бёдрам. Ощущаю весь материал, собравшийся в районе трусов. Не смотрю вниз, хотя щёки разом заметно краснеют.

Стараюсь не отвлекаться от дороги, но сжимаю колени плотнее. Ягодичные мышцы при этом дёргаются тоже.

Громов наблюдает за всем, сдвинув брови. Вижу краем глаза в отражении зеркала заднего вида. Гулко выдыхает и заставляет меня напрячься ещё сильнее, потому как тянет

свои крепкие пальцы вперёд, чтобы привести мой наряд в более пуританское послабление.

— Опять скажешь: случайно? — усмехается он тихо, поправляя складки юбки на моих бёдрах.

— Угу, — мычу, кусая губы, и стопорюсь перед выездом, выжимая в пол тормоз. Путаю от его действий право и лево.

— Туда, Тихоня, — мягко подсказывает Вадим, уводя пальцем не в сторону центра города, а к объездной автостраде.

Киваю и медленно еду, отмеряя глазами ранее заявленные сто метров.

— Вот здесь съезжай, — активизируется Громов командным тоном опытного инструктора.

— Я не выеду потом отсюда, — хмурюсь, созерцая узкий карман, уходящий с дороги на лесную тропинку.

— Я выеду, — заверяет он, и мои сжатые ноги начинают ощутимо дрожать.

Плавню заворачиваю, ухожу вниз мордой автомобиля, подгоняю в нужный угол задние колёса, продвигаясь в тень от деревьев, что раскинулись буквально с пяти метрах от края дороги.

— Ещё чуть. Держи ровнее. Тормози, — натягивает он мои нервы своими нейтральными замечаниями.

Выполняю. Торможу. Перевожу рычаг в положение парковки и закрываю лицо своими дрожащими руками.

— Ну теперь ты хотя бы руль не бросаешь, Лерочка, — подначивает Громов к истерике протяжным освобождающим выдохом. — Зачем ты вернулась?

— Убедиться..., — шепчу и всхлипываю, зажмурившись под веером ледяных пальцев на горящих щеках.

— В чём? Насколько быстро ты меня доведёшь?

Мотаю головой и боюсь открыть глаза, повернуться.

— В том... что люблю...

Вздрагиваю всем телом, ощущая на своих руках его пальцы. Жар дыхания в сантиметрах от кожи. Вадим, перегнувшись, касается губами скулы, отодвигает от моего лица ладони, открывая тем самым для себя мои губы.

Я подсматриваю за ним, ощутило дрожа ресницами. Он ведёт дорожку едва ощутимых нежных прикосновений, уже цепляя, одним из сотни мелких поцелуев, уголок моих губ, что призывно открываются, обдавая его потоком горячего воздуха.

— Я с тобой сгорю, девочка, — шепчет, укладывая мои руки поверх юбки. Пропускаю нервный смешок, ассоциируя себя с примерной ученицей, что решилась свернуть с пути истинного и заняться распутством.

Подаюсь вперёд под его губы, позволяю захватить свои и проникнуть языком в рот. Громов вновь обходится без прелюдии, левой ладонью фиксирует мой затылок в тиски, пра-

вой сжимает бедро поверх разглаженной им же юбки. Ткань скользит по ноге, ощущаясь наждачной бумагой, что снимает слой кожи.

Болезненно стону ему в горло. Громов глотает мои звуки, точно безумец, и в противовес тихой мольбе лишь увеличивает напор: целуя жёстче, со всей присущей надо мной властью; сжимая бедро и шею до боли, будто пальцы сошлись на мне сильнейшим мышечным спазмом.

Всё тело пробивает под ним противоречащими иголками, но я не отстраняюсь, а только лгну ближе, сама врезаясь в него цепкими пальцами, наводя хаос в безукоризненном виде.

Борюсь с ним языком. На равных. Доказываю, чего стою. Со всей неизведанной, многогранной, такой нерастраченной страстью. Мычу, стону от сладости, боли и от чего-то ещё, бросающего в крупную дрожь. Сжимаю в пальцах ткань, мышцы.

Ощущаю. Чувствую. Мну.

До иголок под ногтями, до полного провала в него. До растворения и безразличия: кто есть кто. До собственного одурения и безумия.

Тело ощущает на себе крепкие руки. Разум ликует от осознания кому они принадлежат. Рецепторы наконец-то отделяют от моего этот неповторимый вкус. Дробят, раскладывают на составляющие.

Выгибаю спину и ощутимо развожу ноги под требовательными пальцами.

По ушам оглушительно бьёт какой-то сигнал, превращаясь в адское стерео сквозь все динамики в автомобиле. Испуганно отстраняюсь, теряя опору в виде одной крепкой руки и склопываю меж бёдер другую, что добралась до влажного кружева и даже слегка сдвинула его вбок.

На цифровом широком экране мигает входящий. Громов делает жест «молчать» левым указательным пальцем и принимает звонок, будто ничего не бывало.

— Слушаю, — серьёзно заявляет какому-то Немцову, чья фамилия прописана яркими красными буквами перед глазами.

Суровый мужской голос начинает деловой разговор, а я тихо вздрагиваю и сбито дышу. Часто моргаю, расцепляя свои пальцы с помятого пиджака. Разжимаю ноги, освобождая его пылающую ладонь. Отталкиваюсь ягодицами назад в самую спинку сидения и пытаюсь слиться с его серостью, чтобы никому не мешать и не отсвечивать.

Вадим смотрит в пол, хмурится, курирует какие-то важные и спорные вопросы рабочим тоном руководителя. Берёт паузу на обдумывание, поднимая голову так, чтобы смотреть на меня ровно глаза в глаза, и заявляет решительно:

— Через двадцать минут буду. Ничего не предпринимай-

те без меня.

Палец бьёт по экрану. Громов поджигает слегка опухшие губы.

— Как-то так, Тихоня..., — произносит пространственно. — Меняемся, — командует, распахивая дверь. — Мне нужно на объект. Поедешь со мной.

— Но..., — запоздало опротестовываю, а он уже открывает дверь с моей стороны, выстужая потоком ветра салон.

Скомкано вылезаю, оперевшись о его руку. Обхожу спереди автомобиль, держась за горячий капот. Ноги заплетаются. Сердце ощутимо пропускает удары. Пассажирская дверь распахнута. Прикрываю её, отворяя заднюю. Молча залезаю на сидение и подбираю под себя ноги, обхватываю себя по плечам и группируюсь комочком.

— Ты нормально? — спорно уточняет Вадим, тараня серьёзным взглядом в широкое зеркало.

— Да, — уверяю, опровергая посыл всем своим видом. — Просто...

— Это серьёзно. Я бы не ответил будь иначе.

— У меня тоже... Серьёзно, — мычу, комкая гласные.

— Разберёмся, — задумчиво подытоживает Вадим и плавно трогается с места, ловко лавируя задом на прежний пятак перед съездом.

Запрет

Люди в целом неискренни в сексуальных вопросах. Они не демонстрируют открыто свою сексуальность, а прячут её, надевая на себя плотное пальто, сшитое из материи под названием «ложь», как будто в мире сексуальных отношений стоит плохая погода© Зигмунд Фрейд

-Лера-

— Я скоро, — убеждает Вадим, покидая машину. Часы как раз отмеряют промежуток в двадцать минут, которые он пообещал кому-то для приезда на нужную точку.

Мы на объекте. Автомобиль припаркован сразу за высоким забором: вокруг огромная строительная техника; метрах в двухстах котлован под фундамент нового здания; дальше наполовину построенный жилой корпус.

Громов говорил Леське, что здесь опасно «кататься» и, обводя периметр взглядом, я его понимаю.

Вадим предложил мне выйти из внедорожника, если надоест ждать его возвращения в заведённой машине, но посоветовал не отходить далеко, без должной на то необходимости. Оставил мне включённым климат-контроль, открыл

люк на просвет, а из динамиков пустил тихую музыку... Моё состояние можно назвать отрешённым, если не сказать больше. В непонятной безысходности просто прикрываю глаза и ложусь на всю ширину заднего сидения. Телефон впереди. Пищит пару раз подряд кратким сигналом. Наверняка долбится Тёма. Сидит на учёбе и пишет однотипные сообщения, о том, что скучает. Леська бы не стала. Наверное. Взяла бы, да позвонила.

К чёрту всех...

Закрываю голову руками, не понимая: как себя вести дальше? Никогда столько не врала в жизни! Всем подряд. Включая родителей. А теперь...

— Со всем надо разбираться, — бурчу себе под нос словами Вадима. Но решать этот ворох проблем совершенно не хочется.

Закрываю глаза. Поджимаю ноги к животу, не заботясь о том, насколько пошло задирается на ягодицах широкая юбка. Стёкла тонированные. Сложно представить, что кто-то полезет в машину помимо хозяина, а Громов... За сутки видел уже куда больше.

Ещё один знакомый короткий сигнал. Реагирую на поступающее уже менее болезненно. Дышу ровнее. Не дрожу, оставшись без чужого тепла, что ещё ощущается движущим-

ся под кожей.

Эта безумная тяга к отцу подруги давно заменила во мне не только кровь, но и воздух. Все органы жизнеобеспечения работают только на нём, и если мы с этим ничего не решим...

Открываю глаза, а улыбаться начинаю ещё раньше. По моей щеке елозят мужские крепкие пальцы, отводят в сторону волосы, а подушечка указательного очерчивает линию губ.

— Тихо-оо-ня, — мягко зовёт Громов. — Прими вертикальное. Иначе твоя юбка окончательная сведёт меня с ума.

— Так и было задумано, — подтверждаю сонно. Открываю рот и зеваю на его короткий смешок, проносящий вдобавок ряд своих ассоциаций.

— Поехали, — заключает он. — Документы твои вообще существуют?

— Скачены. В телефоне, — парирую, лениво усаживаясь.

— Быстренько подашься, — намечает пункты плана Вадим. — Потом отвезу тебя назад...

Но, назад в коттедж сразу мы, естественно, не попадаем. Судьба подкидывает новый маршрут, а кто я такая, чтобы с ней спорить и накренять глобальные планы...?

Новостройка. Магнитная калитка. Чистый двор с детской площадкой и уютными лавочками среди цветников.

— Восьмой этаж, — комментирует Громов. — Подряд-

чик всё тянет с отделкой, а Леська заказала персональный дизайн-проект. Что-то опять пошло не по плану, надо разобратся, — комментирует он, продолжая наше передвижение к подъезду.

Держится рядом, но не столь близко, как мне хотелось бы. Решает дела в плане конкретики: серьёзно и чётко. А я... всё же за эмоциональность и чувства...

Вздыхаю и ухожу морально в самый глубокий минор.

Даже юбка не помогла. Чтоб её! Броня у Громова такая, что не пробить с первого выстрела.

Лифт. Стоим рядом, будто друг от друга не шарахает вольтажом в двести двадцать. Кусая губы, по которым так и долбит искрами сквозь воздух. Поднимаю глаза на камеры: две. Развесили по обоим углам новой зеркальной кабины. Выдраили. Вычистили. Куда ни отведи взгляд — везде Громов! Мать твою! Топ-чарт моральных пыток!

Пиная носком одного кеда другой. Смотрю в пол. Вадим что-то спрашивает, но я и не слышу за собственными громкими мыслями. Киваю на автомате и покидаю кабину первой, вылетая из замкнутого пространства, точно страдая приступом клаустрофобии.

Вадим ловит за запястье у двери квартиры, разворачива-

ет на себя, серьёзно смотрит в глаза — я сглатываю и дрожу. Мой самоконтроль уничтожен. Его лишь дал трещину, сквозь которую...

— Вадим Сергеевич, — прерывает наши гляделки глухой голос.

Из квартиры появляется невысокий и полноватый мужчина в строительной робе. За ним стоит ещё один. Смотрит на нас, кивает.

— Пройдёмте, я покажу, и если вы согласуете, то мы отъедем по фирмам для заказа необходимого. Приступим к проектированию, как получим материал на руки.

— Лер, пройди, осмотришь, — кивает мне Громов. — Я решу и поеду.

Молча прохожу, стискивая обувь мыском о пятку у порога. Две комнаты, как и говорила Леська. Я видела эти стены белыми, но сейчас уже где-то почти закончен ремонт. Ещё отсутствуют двери, но стены выкрашены или... Захожу в спальню, которая ощущается ещё ужаснее, чем лифт. Одна из стен почти полностью выложена мозаикой зеркал. Их отголоски уходят на две смежные стены и разрастаются по потолку то ли деревом в виде густой кроны, то ли неким подобием зарисовки кровеносной системы.

— Уоо-оу, — выдыхаю гулко, наблюдая во всём этом великолепии модернизма широкую, воздушную кровать.

Стены выкрашены в приятный лиловый, а она стоит у стены из зеркал белым облаком, напоминая то ли сахарное безе, то ли пушинку. Тёмный деревянный пол выступает контрастом, словно подогревая основание кровати на растопленном шоколаде. Нервно смеюсь, но прохожу внутрь убедиться, что эта «конфетная фабрика» подруги — реальность, а не надуманная фантазия.

Касаюсь подушечками пальцев воздушного одеяла. Поверхность постельного белья приятно скользит под кожей, ощущаясь истинным шёлком. Гора подушек впереди троится в отражениях, и я вижу себя везде. Забавно и много.

— Не разделял эту фантазию дочери, а ты идеально вписалась..., — натягивает во мне каждый мускул мужской бархатный голос. Он бьёт по вискам и проникает в уши, оседая в эхо чужой интонацией.

Резко оборачиваюсь, а потом и вовсе вздрагиваю от захлопывания входной двери, и глухого щелчка автоматического замка.

Бригада ушла. Передо мной остался лишь хищник, и он сейчас на охоте.

Вадим обманчиво медленно движется вперёд, но глаза неустанно следят за добычей, не позволяя соскочить с невидимого прицела. Невольно отступаю под натиском чужого напора и упираюсь в постель, дальше которой нет смысла бежать.

Приоткрываю губы и дышу через рот. Испуганно. Судорожно.

На меня надвигается настоящая тьма. Ощутимая. Непреодолимая. Вся концентрация мощи, которой обладает Громов. Всё, что было скрыто от меня все эти годы. Весь его ощутимый, обезоруживающий магнетизм. Все спрятанные желания, сошедшиеся сейчас воедино.

Та самая трещина в самоконтроле, которая стала глубоким котлованом; бездонным ущельем; каньоном; моей собственной пропастью, бездной.

— Нн-не..., — начинаю, пугаясь настолько, что леденею не только физически, но и морально.

Но Вадим движется, вперёд не меняя маршрута. До моей кожи уже доносятся колыхания в воздухе. Ноги прирастают к полу и ощутимо слабеют, перед глазами темнеет.

Всё, что я представляла и надумывала... Рушится карточным домиком. Я не управляю ситуацией... Я пешка... Объект чужого слепого желания. Добыча... Загнанная в удобный угол.

Губы не слушаются. На щеках уже оседает сбитое мужское дыхание. Пальцы Вадима наощупь расстёгивают мою рубашку и тянутся к узлу материала на поясе.

Хотят разобраться с ненужной вещью и после скинуть её по плечам. Я не отшатываюсь. Наоборот, будто наэлектри-

зованная от него, ощутимо тянусь ближе, даже не двигаясь. Молча позволяю клеймить себя поцелуями. Буквально выжигать их очертания на своей коже. Лишь дышу с ощутимыми перебоями и смотрю во все глаза, совсем не моргая.

— Ле-еерочк-аа, — шепчет Громов, уводя меня в глубокий транс. — Я столько лет запрещал себе даже думать о тебе, не то что смотреть...

Материал моей рубашки скатывается вниз. Следом падает его тяжёлый пиджак. Всё к ногам. Устилая дорожку в мой собственный Ад.

Лямка моего топа оттягивается ниже. Чашечка бюстгалтера отгибается, и мужские губы втягивают в себя затвердевший сосок.

Я стону и всхлипываю, не понимая причины собственных ощущений: открыто кричу то ли от неожиданности, от возбуждения или от боли?! Каждая эмоция пробивает тело острой иглой. Я плавлюсь под руками Вадима. Растекаюсь и становлюсь в его руках пластилином.

Мысли хаотично бьются внутри головы, не позволяют принять это поражение и расслабиться, лишь тело сдаёт позиции. Громов прёт на меня ещё активнее, становится непреодолимым бронбойным тараном: сжимает, гладит, раздевает, целует, ласкает и выполняет всё это разом.

Зажмуриваюсь в невозможности воспринимать столь

быструю перемену эмоций, ощущений и кадров. Врезаюсь в его плечи дрожащими пальцами. Отдаю губы на растерзание жадному рту.

Он ведёт конфронтацию и по праву побеждает. Подминает под себя морально. Держит в руках физически. Заменяет рванный ритм моего сердца на свой быстрый, чёткий, решительный. Выправляет дыхание, складывая мои вдохи и выдохи в какую-то планомерную систему. Не теряет её даже в глубоком поцелуе. Наполняет меня своим запахом. Вкусом. Пальцами, что врезаются в мышцы с таким ощущением, будто уходят под кожу.

Его шёпот на моё ухо ощущается уже не словами, а единой вибрацией. Я порой лишь отвечаю на него какими-то гортанными звуками или крепким сжатием собственных пальцев.

Мысли всё ещё кружат в голове спутанной вереницей. Вадим продолжает давить на точки, выключающие моё сознание. И непонятно кто где. К чему законы и правила.

В какой момент он успел меня развернуть? После чего я оказалась упёртой ладонями в мягкое белое одеяло?

Мой опьянённый взгляд уловил в фокусе лишь десяток собственных разрозненных деталей, что начали прыгать перед глазами из отражения: опухшие губы; выпавшая над топом грудь; растрёпанные волосы; задранная к талии юбка. И Громов. Весь. Полностью. В расстёгнутой рубашке. И в спущенных брюках.

Его действия в зеркалах казались такими молниеносными, что смазывались штрихи отражения, оставляя в памяти перед судьбоносным моментом только чёрно-белое пятно, которое вскоре заменили яркие, вспыхнувшие блики и искры перед глазами.

Чёрт! Больно было так, как никогда в жизни! Да только ни стонать, ни кричать попросту не получилось.

Всё ушло куда-то внутрь. Скрутило спазмом. Свело каждую мышцу. И даже зубы сошлись на языке, наполнив рот солоновато-металлическим привкусом.

Громов... Кажется, всё же пытался играть по правилам и уделял внимание не только себе, но и... Вспарывал меня ещё больше, проникая глубже, сильнее, настойчивее. Во все слои начиная с физического. Запечатывая во мне крик и слёзы своими губами и пальцами, что неустанно блуждали по коже.

Сложно утверждать, сколько длился мой первый раз. Ещё дядюшка Фрейд утверждал, что каждая эмоция и психосоматика имеет свои смазанные временные границы, но в какой-то момент Вадим просто отпустил меня, так и не дождавшись благодарственных радостных криков. После этого реальность начала обретать черты. Привычные. Размеренные. И далёкие от утопических.

Леська советовала кончить от ласк, перед актом, да? Зря не послушала совет близкой подруги...

— Тихоня...? — слишком отрешённо, не своим голосом уточняет Вадим.

— Да..., — утыкаюсь в одеяло, изо всех сил стараясь не плакать.

— Ты почему не сказала...?

— Потому что..., — заявляю смеясь и всё же не удерживаю в себе болезненный спазм, сжимаясь разом плотным комочком и выпуская в пушистое одеяло протяжный раненый стон.

Глава 3. Ящик Пандоры

Всё, что вы делаете в постели, — прекрасно и абсолютно правильно. Лишь бы это нравилось обоим. Если есть эта гармония — то вы и только вы правы, а все осуждающие вас — извращенцы© Зигмунд Фрейд

-Лера-

— Лерочка... Иди-ка ко мне, — тише привычного проговаривает Вадим, но его голос отзывается в моей черепной коробке каким-то тридешным эхо.

Он оголяет разом весь стыд и обнажает все мои слабости перед этим мужчиной. Его ловкие пальцы стаскивают с моего тела невостребованные остатки одежды, белья.

Громов действует медленнее, чем прежде, и буквально выворачивает меня перед собой наизнанку морально, заставляет вцепиться пальцами в хрустящий материал на его спине. Натянуть. Смять. И спрятать свой стыдливый взгляд, упёршись макушкой в крепкую шею. Лишь бы закрепиться на этой тонкой и порочной грани. Коснуться того концентрата нежности, что сейчас прямо прёт от сильного и решительного мужчины. Забыться под его пальцами и губами, уже не клеймящими кожу, залатывающими во мне моральные ды-

ры.

— Прости мою глупость, девочка, — шепчет, подхватывая меня на руки с такой лёгкостью, будто во мне вовсе нет веса.

Закрываю глаза, вжимаюсь в его горячую кожу губами и телом: не желая видеть, только слушаю. Сердце... Дыхание... Тяжёлые шаги, удаляющие нас от постыдных зеркал и широкой, некогда белоснежной постели.

Вадим не укоряет меня за провинность. Он не ругает и не оправдывается, а словно перекладывает вину на себя. Крепко держит меня в объёме и прижимает к себе, как нечто хрупкое и бесценное. Размеренно выдыхает в затылок, проговаривая серьёзно и чётко, но с каким-то едва ощутимым надрывом:

— Я бы мог долго философствовать на тему, почему не сдержался и взял тебя едва ли не силой, Лер, но скажу кратко: я дурак. Прости.

— А я бы послушала. Полную версию...

Пытаюсь улыбнуться, но, вне его глаз, попытка не выходит успешной.

Кожу холодят потоки воздуха. От Громова, на контрасте прёт истинный жар. Тело не понимает, что происходит. Разум долбит в сознании раненой птичкой, а сердце так и об-

нимает того, кто, как маленькую, крепко держит в руках.

Пропускает Вадима ещё глубже в себя. Не ищет новые причины, чтобы влюбиться — нет. Срастается с ним, вопреки всем доводам разума, уверяющего: беги...

Поздно.

— Я даже не задумался о том, что у тебя никого, Тихоня..., — продолжает Громов обрывками. — Я же вижу поведение дочери... В вашем возрасте выбор — это...

— Я выбрала, — обрываю серьёзно. — Поэтому здесь.

— А он тебе зачем? — усмехается зло, напоминая о Тёме, про наличие которого уже забыла и думать.

— Потому что любит, — огрызаюсь с детской обидой, на неугодный вопрос. Разжимаю нервный захват своих пальцев. Оборачиваюсь, частично выкручивая корпус на мужских руках, чтобы Вадим не касался губами. — И потому что Тёма хочет и может на мне жениться...! — бросаю в сердцах, будто это тянет на аргумент.

— А я — нет? — заключает Громов интонацией, спорящей с вложенным внутрь посылом.

Озвученный им вопрос — получается риторическим. Ответ, как таковой и не требуется.

Он бы на мне не женился, даже зная, что станет первым. А нужна ли мне вообще эта дурацкая свадьба? Живут же люди просто один на один, без свидетелей аморальности их отношений...

Усмехаюсь, пронизывая грудь острой болью. И прошу тише:

— Можно меня поставить на пол. Пожалуйста. Я справлюсь. И сними...те рубашку..., — глупо перехожу на «вы», после того, что между нами ранее произошло. Неосознанно спотыкаюсь в обращении к отцу подруги и кривлюсь, стараясь быстро ретироваться: — Я застираю пятна. Высушим феном.

— Под пиджаком будет не видно, — даёт мне послабление Громов и опускает мои пятки вниз с таким трепетом, будто готовит к походу по битому стеклу или раскалённым углям.

Вадим звучно распахивает передо мной дверцы душевой кабины.

Она заметно меньше той, что установлена в его доме, но всё же вместительная.

— Позволишь присоединиться? — уточняет, уже расстёгивая манжеты. Стаскивает с себя рубашку, на которой так откровенно алеют девственные разводы... Её бы прям за окно вывесить, как простыню... Вот бы Леська бы посмеялась, учитывая, что является хозяйкой квартиры...

Громов мягко подталкивает меня внутрь душевой кабины по скользящей поверхности. Включает надо мной воду. А после отстраняется и стягивает свои брюки вместе с трусами.

Машинально сглатываю, стараясь на него не смотреть, а то и дело натыкаюсь скользящим, притягивающим взглядом. Вадим шагает вперёд, а его... (детородный орган, что кажется слишком большим даже в состоянии полупокоя) пошатывается в такт движениям, заставляет едва ли крикнуть от изумления. Вызывает ассоциацию с вечным двигателем или со стальным маятником для введения в транс, к которому неминуемо приковывается всё внимание.

Вода долбит на мою макушку, прикрывая глаза. Кратко распахиваю их, каждый раз наблюдая Вадима всё ближе и ближе, а в какой-то момент этот сильный, крепкий, голый мужчина просто впечатывается в меня своим корпусом. Обнимает, обрамляя спину своими руками, а после, вопреки всей резкости и жёсткости, которую я готовлюсь увидеть: кладёт ладони на мои лопатки и начинает их плавно поглаживать, растирая воду по спине вдоль позвоночника.

Двигается мягко, словно пересчитывает каждую косточку. Нависает надо мной так, стараясь закрыть от струй, что летят в лицо и в приоткрытый рот.

— Я тебя так отлюблю, маленькая, как твой пацан ни в жизнь не сможет, — шепчет Вадим на ухо тихо и бережно, поджигая во мне незримый фитиль, от которого начинает тлеть где-то внизу живота.

Боль притупляется от возбуждающего тепла, и внутренние стенки ощутимо спазмируются под серией взрывов. Он

не трогает меня, а горячит лишь одними словами и обещаниями. Гонит перед глазами непристойные картинки и выжимает с лихвой ту самую влагу, которой прежде было так мало.

— Я в тебя всю душу вложу, Тихоня, — обещает Вадим, скользя ладонями к ягодицам. — И твою выколочу... Позже.

Разгоняет по коже скопление мурашек. Заставляет дрожать мои губы и непривычно рвать на куски поток скомканного дыхания.

Углубляет пальцы к промежности, бережно оmyвая под струями воды израненный вход и набухшие горящие складочки.

Звучно втягиваю воздух носом, а опустошаю лёгкие из распахнутых губ. С тихой просьбой, дрожащей внутриутробной мольбой, грудным стоном, с которым отзывается тело на его ненавязчивые движения.

— Расслабься, девочка, — просит меня отяжелевший голос с каким-то глубоким животным порывом, а вставший член ощутимо давит в живот. — Я нежно, Лерр-р..., — утробно рычит Вадим, перехватывая руки на моей талии, и опускается передо мной на колени.

Я аж зажмуриваюсь и выдыхаю, ощущая как тёплые ладони, на контрасте с прохладной водой, спускаются по внешней стороне моих бёдер. Подныривают на внутреннюю и плавно разводят их аккурат перед его лицом.

Щёки вмиг заливает краской от ощущения горячего дыхания на лобке. Ниже. У самой пульсирующей бусинки, трепещущей в сантиметре от его губ. Слюна в моём рту становится кипятком. Пар валит наружу, обжигая губы, а Громов бьёт в душу высоковольтным разрядом, касаясь языком самой чувствительной точки и жадно всасывает в себя эту часть складочек требовательными губами.

Я даже не стону, а пропускаю сквозь себя грудной крик, затыкая разом ладонями губы, в резком спазме пугаясь подобной реакции.

Его крепкие пальцы зафиксированы на мне стальным замком. Ни вперёд. Ни назад. Не податься. Без его позволения — не вырваться.

А я и не хочу... Или хочу?

Путаюсь в собственных желаниях, ощущениях и посылах, бесстыдно двигая бёдрами ближе к его лицу. Упираюсь затылком в холодный кафель, прогибая спину.

Его манипуляции надо мной ощутимо сменяются. Не смотрю вниз, а стараюсь уловить лишь оттенки своих ощущений. Кусаю свои же пальцы до боли, чтобы держать себя на грани. Успешно убеждая, что это происходит с нами живую, и пошлые хлюпающие, чавкающие звуки, рычание и стоны, сквозь воду — ни порноозвучка, ни задний план дешёвого ситкома — а лишь приоткрытая щель в бесконечный и многогранный ящик Пандоры, коим для меня являет-

ся Громов.

Язык, губы, пальцы, что вдавлены в ноги. Буквально мычу единственно нужное имя, рефлексивно подмахивая бёдрами перед его лицом. Дрожу, запуская ладошку в короткие мокрые волосы. Скольжу по мужскому затылку, сжимаю в кулаке корни.

Внутри всё пульсирует и дрожит. Мышцы ощутимо сжимают между собой пустоту и вроде хорошо, до стона и судорожного крика, но, одновременно, хочется плакать без чувства столь нужной, пусть и до боли тяжёлой наполненности.

— Вади-им, — стону, оттягивая за волосы, но он лишь впивается крепче, доводя до полнейшего изнеможения тем, что подныривает ниже и буквально входит вглубь языком.

Фаааа-ааак! Ноги не держат. Затылок болезненно прилегает о кафель. Мощные руки и плечи не позволяют скользить, упасть, отдалиться...

Стон, крик, спазм, всё перемешивается в груди и гулким комком эмоций, потоков и звуков, сквозь сжатые зубы проникает наружу.

Перед глазами мерцает. Живот и бёдра ощутимо дрожат. Промежность пульсирует.

Вода не охлаждает и не очищает от запаха похоти, что напитал кабину круче, чем самый химозный и стойкий аромат геля для душа. Вода только гонит желание вниз. От горячих

щек, от искусанных губ, от торчащих сосков ко рту Громова, который до сих пор принимает в себя мои внутренние вибрации и планомерно вылизывает созданные лишь для него соки.

Это ощущается бесконечно пошлым и аморальным — в квартире подруги, в её душевой кабине, буквально насаживаться на лицо её отца и кончать от оральных ласк... Фааак...

Но это, самое невероятное, из того, что могло произойти со мной в жизни и Громов... Вышка, до которой Тёме только тянуться.

— Всё-ё-оо-о, — прошу блаженно-болезненным стоном. Сжимаю бедра поверх распорки из его плеч.

Он не торопится, но возвращает себе вертикальное положение, удерживая меня в руках. Лениво перемещается вверх, припечатывая грудиной мои лопатки к стене. Ловит языком мои губы, пробивая неповторимым импульсом от незнакомого вкуса моей собственной смазки.

Щёки горят. И стыдно. И жарко. И невероятно приятно... Распахиваю рот поглащая чужой язык. Ласкаю его своим, губами, стою и обсасываю.

Неглядя касаюсь объемного члена. Обхватываю ладошкой.

Твердая плоть натягивается в себе все венки и вздрагива-

ет. Стону в рот Вадиму от неожиданности и закрепляю кулак сильнее.

Его ладонь ложиться поверх моей. Обнимает пальчики и задаёт правильный ритм: вверх-вниз ощутимо приоткрывая головку. Бью в так движениям воздухом в горло. Громов глотает ласкает мой язык, кусает, посасывает. Рычит. Ощутимо звереет и сжимает мои скулы свободной рукой. Дрожит моей рукой внизу. Сверху трахает мой рот в прямом поцелуе. И кончает со стоном, выстреливая мне под грудь.

Ещё дёргает член, не позволяя сразу освободить руку. Ещё держит щеки и скулу, не отпуская от себя губы.

Я, кажется, улыбаюсь при этом. Или даже смеюсь. От ощущения, что вокруг нас творится полный пи*дец. А свидетелем всего этого может стать Леська...

Крепкая рука плавно отпускает мою. Бережно проходит пальцами по животу, по стоячей груди. Смывает пот, под прохладными струями, сперму...

— Я из-за тебя развёлся, — признается на выдохе Громов, отпуская меня в состоянии полудрёмы. — Ты мне снилась каждую ночь, Лера. А тебя до утра... Едва не стирая себя... До изнеможения... Не мог жене в глаза смотреть после, — выдыхает мне в ухо, прижимая голову в своей крепкой груди. — А ты замуж собралась... Я едва не свихнулся. Нет. Свихнулся. Точно...

— Я тоже, — шепчу настороженно. — Но...

Это «но» ещё десяток секунд никто не берётся разбить. Оно так и висит в душном, влажном воздухе, насыщенном похотью. Я и он. Мы. Оба. Возможно ли...? При всём... Всех. И после всего...

И ещё одна моя Аморальная, самая свежая Новинка для Вас ##

*Молодёжка в лучших традициях жанра ##
#секс по дружбе #о любви #наразрыв #страсть #сестра
друга #от любви до ненависти #и наоборот
Новинка тут→ <https://litnet.com/shrt/v5m0>
забирай в библиотеку и присоединяйся к безумию ##*

Я тону...

Быть абсолютно честным с самим собой — хорошее упражнение © Зигмунд Фрейд

-Лера-

— Тысяча и один пропущенный, — комментирую Вадиму очередное молчаливое вспыхивание моего телефона.

Опираюсь локтем о выемку на стекле пассажирской двери и кусаю фалангу указательного пальца, которыми прикрываю рот в неловком молчании. Отвожу в сторону взгляд, пытаясь свести воедино всё произошедшее ранее.

В руках Громова у меня нет возможности думать. Хочется сразу броситься в омут. Бесновать. Протестовать. Получить разом всё то, что до этого было для меня под запретом!

Ведь рядом с Вадимом, кожа к коже, остаётся лишь желание физической близости. Чистое, концентрированное ощущение, пронизывающее всё моё тело разрядами невиданных токов... С Тёмой подобного никогда не было, даже лёжа рядом на одном диване или усевшись к нему на колени, а Вадим... Его нельзя хотеть так очевидно, но несмотря на это — его безумно хочется!

Кусаю палец, шмыгаю носом при взгляде на свой телефон. На расстоянии вытянутой руки от Громова начинает реально трясти. Я не понимаю, как теперь себя вести? Прятать глаза при его дочери или попытаться выйти на диалог? Рассказать всё Тёме или молчать, не мешая всем готовиться к нашей свадьбе...?!

Тысяча вопросов осаждает больную голову, и я не понимаю... Что позволено, а с чем лучше повременить? Ни один из экзаменов, ни одно решение в жизни не давалось мне в жизни настолько сложно!

Громов за рулём. Монотонно что-то обдумывает. Про себя. Видимо, не привыкши озвучивать процесс вслух, пока не придёт к окончательному решению. Всегда эта привычка в нём восхищала. Сейчас — напрягает и бесит.

Сколько его помню: он говорит мало, чётко, по делу... Но сейчас мне так не хватает знать об этих средних ступенях! Всё, что таится внутри: от совершенного действия до принятого исхода на этот счёт! Я же не грёбанный телепат, чтобы читать неозвученные вслух мысли, да?!

Нас учат на курсе психологии видеть чужую мимику, но Вадим настолько успешно справляется с тем, чтобы прятать эмоции за присущей серьёзностью, что в подтверждение былого мне остаётся лишь мужская ладонь, лежащая на моём бедре жестом сущего собственника. И только она хоть как-

то примиряет меня с новой действительностью.

Пальцы Вадима периодически сжимают и поглаживают мои напряжённые мышцы. При этом всё его внимание концентрируется не на складках моей слегка задранной юбки, а на дороге, что уже ведёт нас по посёлку к семейному коттеджу.

Леська ждёт дома. Её звонок отцу и послужил причиной нашего выезда из городской квартиры.

Полчаса назад её разговор с отцом стал той самой отправной точкой, чтобы начать нам собираться и приводить себя в визуальный порядок.

Без этого толчка мы бы... Возможно, зависли с Вадимом на третий круг, в котором...

Между ног вновь сводит судорогой от одной только мысли. Бёдра моментально сжимаются, и я ощущаю на своей коже его крепкие пальцы, сдавшиеся мне моментально, в знак особой принадлежности и некой поддержки.

Мой телефон слишком давно переведён на беззвучный режим. Однако, Тёма, как чувствует грозящие во мне перемены и продолжает долбиться, раз за разом поджигая своей фоткой тёмный экран на панели.

Звучно негодую тяжёлым вздохом и сжимаю зубы до ощутимого скрежета.

— Ответ парню, Лера, он переживает, — скупно парирует Громов, паркуясь у дома.

А я так и вижу сбоку, как на шее Громова играет колоссальное напряжение: надуваются вены; вздёргивается кадык; встают мышцы, будто проецируется рождение гор на стыке двух литосферных плит.

— Я отвечу. Ему, — нервно усмехаюсь, убирая с себя крепкую мужскую руку.

Не жду откровений. Скорее поступков. Это Тёма горазд трещать до утра, а Громов — он должен...

Подхватываю рукой телефон и покидаю душный салон. Не оглядываюсь. Захожу в дом, скидываю кеды.

— Тихая, как оно? — многогранно обобщает Леська из кухни.

— Норм, — отзываюсь глухо.

— Руки мой и есть! — смеётся хозяйка, наблюдая мою постную мину. — Лерка, ну если тебя папа так укатал, то давай завтра со мной вечером погоняешь. Я, честно, орать на тебя не буду, если начнёшь тупить!

— Ага, — отзываюсь кивая. Будто слушаю о чём идёт речь. — Руки вымою, переоденусь, Лесён, и спущусь.

Лестница. Дверь. Одна из трёх одинаковых.

Захожу, наспех скидывая у кровати всё до белья. Стою и дрожу. Нервно. Собираю не просто мурашек на коже. Ощу-

щую судороги, выкручивающие в полутьме определённые мышцы. Хочется стонать, плакать, биться головой об чёртову стену лишь бы не...

— Лерочка, — тянет Вадим тихим шёпотом в полумраке выданной мне спальни. Ворс покрытия стирает его шаги. Мужское дыхание уже электризует и колышет на мне мельчайшие волоски, а разум отвергает присутствие, считая за фантома...

Оборачиваюсь рывком и вцепляюсь в него самым спасительным из возможных захватов. Мну материал пиджака, что тут же звучно хрустит и натягивается под моими пальцами. Не могу ослабить их или разжать, тяну к себе ещё ближе, будто пытаюсь укрыться за фигурой Громова от целого мира.

— Я тебе не подхожу..., — чащу тихим незнакомым голосом и тараню его сбитым дыханием. — Уходи. Пожалуйста..., — пытаюсь оттолкнуть вперёд, а сама только сцепляюсь с ним крепче. Перехватываю одной рукой шею и впиваюсь губами в кожу, не отпускаю. — Мы с тобой слишком..., — прикусываю, целую и звучно вздрагиваю.

— Тише, маленькая, — шепчет Вадим, склоняясь над мной, и нежно целует в висок, умиряя отражающееся на нём сердцебиение.

Руки крепко держат меня под спину. Упираюсь в него всем корпусом. Покорно прикрываю глаза от единого касания горячего рта к выстуженной коже, а отец подруги сколь-

зит ниже, по скуле, к шее, заставляя дрожать от желания мои губы.

— Ты думаешь я не боюсь утонуть в тебе, девочка? — шепчет, сквозь влажные поцелуи. — Все эти годы только и делал, что запрещал себе подходить к тебе ближе. А ты ворвалась и сейчас всё внутри на разрыв. Но нужно быть тише, пока...

— Пока, что...? — усмехаюсь, дрожа от подступающей злости. Бью, как наотмашь колкостью фразы. — Пока я замуж не выйду, да?

— В трезвом уме, я бы тебе как никто другой чётко объяснил, что сломать легче, чем что-то построить, — философствует Громов, не реагируя на мой выпад, и я, несмотря на ворох своих эмоций, всё же ощущаю в его фразе отголосок грустной улыбки. — Переодевайся и спускайся, — заключает он, обводя окантовку моих губ языком.

Ловлю его кончик и всасываю в себя до звучного стога. Приоткрываю губы, позволяя углубить поцелуй. Напрягаю спину, в которую врезаются его пальцы.

А мои скользят по коротким мужским волосам и взлохмачивают Вадиму затылок.

Во рту всё пылает и горит от его языка, а тело вымораживает вне пальцев ледяной стужей.

— Звонок, Лера, — прерывается Вадим, заставляя распахнуть глаза и увидеть, насколько сильно освещает нас в

темноте яркий экран с фоткой Тёмы.

— Угу, — кусаю губы до боли и кое-как разжимаю скрюченные пальцы.

— После, — заключает он многозначно и отстраняется, а я со всей злостью и яростью, что бурлит под кожей, подлетаю к кровати, нажимаю ответ и подношу аппарат к уху, уместя все эмоции в своё холодное:

— Да.

— Как первый раз, малышка? — дербанит он слух улыбкой, будто и не обиженный. — Бьюсь, бьюсь, Лер, а ты всё динамишь!

— Тём, ты..., что...? — глотаю слюну, едва не закашливаясь от нервного спазма. — О чём вообще? — шепчу, оглядываясь в сторону двери, за которой успел скрыться Громов.

— Леська сказала ты документы сдала и кататься поехала..., — тараторит жених, припоминая всё, что успел узнать за моё молчание от лучшей подруги.

— Всё... Хорошо, Тём, я..., — грузно выдыхаю, складывая слова, которые нифига не стыкуются в банальном обмане. — Устала. Просто.

— Спишемся позже?

— Да, — затыкаю чужой порыв, лишь бы не произнести лишнего. — Пока.

Отбрасываю телефон на постель, ощущая брезгливость.

Леська ждёт внизу. Впереди ещё одна проверка на прочность, а я бы с удовольствием приняла горячий душ и сня-

ла с себя верхний слой кожи. Вместе с необходимостью откровенно лгать близким людям, прятать взгляды, недоговаривать...

Врубаю свет, стягиваю с себя бельё, что хранит на себе тепло и запах Вадима. Влезаю в первые попавшиеся трусы, широкие спортивные штаны и толстовку, которая закрывает голое тело объёмом и плотностью материала.

Убираю волосы в хвост. Натягиваю яркие носки и спускаюсь, стараясь не поднимать глаза на уровень чужого взгляда.

— Тихая, как первый...

— Раз? — ухмыляюсь, дополняя фразу подруги.

Вадим зависает за ней, успевши сменить костюм на менее пафосный и свободный стиль домашней одежды.

— День, Лерка! — хихикает Леська, озираясь на отца. — Вот, дура же, а? — подначивает меня. — Садись давай, остынет! Я это не готовила, но честно сама разогрела!

— Нормальный день, — подытоживаю, упираясь взглядом в стол, за которым занимаю место напротив хозяина. Рядом было бы слишком. Да и так... Сильно.

Леська что-то ещё тараторит, а я упираюсь в тарелку и послушно начинаю жевать. Не чувствую ни вкуса, ни запаха. Из ощущений в остатке только тяжесть от взгляда Вадима над этим столом и запущенный таймер на обратный отсчёт до полуночи.

К двенадцати подруга точно подорвётся спать. У неё сессия. Относительное ранние подъёмы. А я...

Не дотяну до утра, чтобы вновь пересечься с Грозовым в душе после пробежки. Значит... Придётся застать его позже.

Жую. А вместо вкуса так и ощущаю сладость и остроту локаций, что мелькают перед глазами при упоминании хозяйина дома.

Кабинет или супружеская спальня? Сколько порочного и аморального вложено в смысл последнего словосочетания...?

Ещё одна Аморальная История 18+ с обилием красивых эротических сцен, стеклом и накалом эмоций взрослых героев:

#Измена #Бывшие #Эротика

#Очень горячо и откровенно #Стекло #ХЭ

<https://litnet.com/shrt/vFiM>

Я с тобой

*Нет закона, повелевающего людям есть или пить или за-
прещавшего им класть руки в огонь© Зигмунд Фрейд*

-Громов-

— Ле-еера-аа, — собственный голос настолько хрипнет, что царапает согласными горло. Дыхание осаждает грудную клетку с предельной тяжестью. Продавливает рёбра к позвоночнику, выколачивает с её именем воздух.

— Тук-тук, — произносит тоненький голосок с осязаемой потребностью войти. Акустика в кабинете играет так, что он врезается в уши болезненной интонацией и пробивает вибрацией в пах, зажимая яйца в тиски.

Хрупкая, маленькая. Если она только могла прочувствовать: какой властью надо мной обладает. Сколько лет я морально казнил себя за каждый вскользь брошенный взг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.